

МАЗЬКИ

МАЗЬКИ

РЕДАКТОРСКАЯ СЕРИЯ
А. НЕБЫКОВА

Алексей Небыков
Анна Безукладникова
Маяки. Книга рассказов.
Редакторская серия Алексея
Небыкова «Время прозы»

*<https://litres.ru/73996159>
SelfPub; 2026*

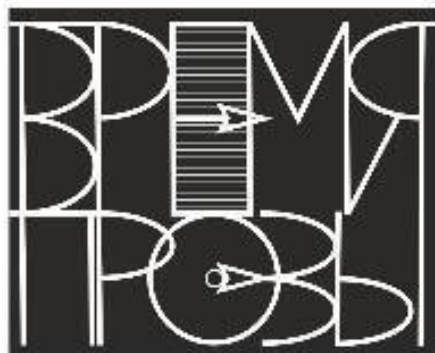
Аннотация

Маяки этого сборника укутаны в туманы и тайны, затеряны в пространствах и временах, увидены с разных дистанций и ракурсов: бродячие маяки и маяки, сросшиеся с прибрежными скалами, арктические и крымские, несущие смерть и дарующие надежду. Встречаются в рассказах маяки-метафоры, звездные маяки, маяки-люди, нарратив от имени маяка и маяк, служащий целью разрушительного трипа.

Рукотворный, искусственный свет маяков в пределе смыслового поля книги понимается как нерукотворный и вечный. А потому герои рассказов идут к маякам для медитации и исповеди, спасаются в маячных пределах от суеты мира. Маяк выглядит как идеальное место для любых практик: будь то развеивание праха умершего, отправление его в последний путь, или воссоединение семьи.

Восхождение на маяк символизирует духовный рост. И зачастую в очертаниях маяков видится их вечный архетип – одинокая Башня, игровая площадка стихийных сил, место финальной схватки добра и зла.

**Алексей Небыков,
Анна Безукладникова
Маяки. Книга рассказов.
Редакторская серия
Алексея Небыкова
«Время прозы»**

РЕДАКТОРСКАЯ СЕРИЯ
А. НЕБЫКОВА

МАЯКИ
Книга рассказов
с иллюстрациями Алисы Бошко

Москва | 2025

*И мнится мне,
что зажжен маяк не для морей зловещих,
а для вечности вещей.
Хуан Рамон Хименес*

От редакции

Редакция «Время прозы» представляет первую книгу серии — «Маяки». В сборник рассказов современных авторов вошло двадцать девять произведений, посвященных маякам — символам одновременного служения и помощи, одиночества и расставания, ориентирам не только на поле морских просторов, но и в вопросах духовных поисков.

Как службу маячников в профессиональном сообществе подразделяют на службу в «аду» (если маяк построен в открытом море на скале), «чистилице» (если башня стоит на одиноком острове) или «раю» (когда прожектор источает свет с берега континента), так и рассказы книги отличаются по художественному темпераменту. Одни — суровые и пугающие, другие — полетные и меланхоличные, третьи — светлые и вдохновляющие. Найдёт читатель в книге тексты мистические и реалистические, исторические и фантастические, а ещё метафоричные и парадоксальные.

Главной же целью редакции при подготовке сборника стал выпуск такой книги, которую читатель не захочет оставить после прочтения на сиденье в метро, а непременно решит принести домой, чтобы добавить в семейную библиотеку. А

потому каждый рассказ сборника отличается не только острым сюжетом и образным художественным миром, но и многосложностью содержания, способная стать читателю бесконечным источником вдохновения в жизни, к которому можно возвращаться на протяжении многих лет.

Рассказы книги были отобраны на конкурсе, большей частью написаны специально для сборника и публикуются впервые. Все это делает читателя очевидцем появления новой серии сочинений больших смыслов, созвучных произведениям лучших представителей русской литературы, которые давно стали ориентиром не только национальной мысли, но и мировой.

В книге читатель прочтет рассказы как известных прозаиков, так и не представленных пока широко в литературе авторов, при этом талантливых и перспективных, показывающих на примере произведений малой формы мастерство и способности.

Редакцию серии возглавил писатель, автор хтонической прозы Алексей Небыков, который знает цену литературному труду, творческому поиску и специально для сборника «Маяки» написал рассказ, чтобы в числе первых говорить о духовных началах человека и о вере в него.

Редакция убеждена, что литература есть высочайшее искусство, которое не терпит фальши и упрощения. А потому читатель «Маяков» будет огражден от агрессии нецензурной лексики, найдет в сборнике только чистый русский язык,

а еще восхитительные рисунки художника-графика и искусствоведа Алисы Бошко, написанные специально для каждого рассказа. В наши дни созданные человеком иллюстрации в изданиях становятся редкостью, но в книгах серии «Время прозы» по-прежнему будут охраняться традиции и вера в человеческую сущность.

Приглашаем вас в удивительное путешествие по страницам большой русской литературы. И когда книга «Маяки» отзовется в ваших сердцах, не пожалейте минут, чтобы рассказать о сборнике, поделиться с друзьями, подарить другой экземпляр близким на праздник или без повода. Так, вместе, сумеем сделать эпоху в современной литературной жизни.

Алексей НЕБЫКОВ

Всяких полно. Живых мало

*Мне всегда нравилось медитировать
так же сильно, как другим людям
нравится есть мясо...*

Эдуард Лимонов

Годный день третий

— Витя, отвори створы. Дышать нечем... — тихим голосом договаривался кто-то из темноты, подталкивая вверх крепко сшитую металлическим затвором дверь лаза в фонарную плавающего маяка. — Я ведь и снаружи вползти могу,

раскрошу стекло... — И что-то зашаркало вниз, заскребло, заворочалось. — Где-то валялись здесь блины варочной...

— Сергей Алексеич, довольно злодеить! Воды вам оставил, припасы есть! Дайте долежать спокойно.

— Долежи, долежи. Нам с Астрой Валерьевной чем жилее будешь... — И Виктор расслышал лязг раскрывающихся внизу дверей.

Сергей Алексеевич Резник, санитарный врач из Москвы, заметное столичное лицо, участник главных в стране рабочих групп и общественных советов, выглянул на морской свет из основания дрейфующего маяка — сигнального буйа. Затем, обернувшись к воде спиной, стал карабкаться к макушке лампы, цепляясь за швы, за металла выступы. Но скользко оказалось тянуть себя, мучительно, и обвалился он в воду под испуганные всхлипы потопчицы Астры.

Сигнальный буй, заточивший случайных по морю попутчиков, был из тех, что в середине двадцатого века пришли на смену судам с особой маячной надстройкой, ходившим вдоль опасных мелей и притонувших скал. Якорение поплавка непогодой было расстроено, и кружил его невод морской неизвестно сколь давно.

— Витя, отвори створы. Давай уже по-нашему, — уговаривал снизу Сергей Алексеевич. — Ты ведь вторую седмицу мучишь себя. Силы совсем выйдут, создашь нам с Астрой Валерьевной неудобства. Я, конечно, пообсохну и снова в набег пойду. Ты меня знаешь, я — решительный.

— Сережа, оставь его. Нужно категорически что-то делать с Даниловной. Неспроста я не ладила с ней, сквернохарактерной! Чуешь... как портит нам атмосферу. Общество ее небезвредно. Там, считай, заселились уже продукты распада, вишь как неудачно тенями ее перекосило.

— Астрия, не говори пустости. Птомы созревают на третий день. Слышишь? И ничего... — убеждал Сергей Алексеевич, выжимая рубашку, поглаживая себя по животу. — Нам с тобой не ясно еще сколько по потокам шастать. Как предлагаешь выкручиваться?..

— Я все равно не желаю терпеть все это! И ты говорил, мы скоро прибудем...

Виктор позабылся на мгновение, перестав различать недовольные внизу голоса, брезгливые Даниловны волочения. Он припоминал, как на шаткой лодке сумел с этими изменившимися вмиг людьми сперва неделю выстоять на открытой воде, затем радоваться незапно пролившемуся небу, а там и дрейфующему на волнах сигнальному маяку, хранящему и воду, и припасы живым на сохранение...

Солнце тонуло в море. Набегал не-свет. Виктор захотел приподняться, выглянуть из купола стекла, чтобы различить

на море искристые камешки надежды, хлебные крошки спасения. Но силы давно оставили его, и он лишь чуть невесомо завис на руках, да так и опал обратно на спину в тесный туннель, окружающий стержень лампы фонаря, где он уже не первый день истощением томился.

Рука его левая, прихватившая дно стеклянного глаза, сорвала в ходе напрасной попытки будто наклейку какую-то. И закружила она в закатном цвете, зашуршала по воздуху, заладила и, казалось, даже запарила, опустившись точно перо рядом с Виктором.

Виктор приподнял наклейку, и затеплился у него в руках образок — неизвестный святой, лик поизбит натурой и временем, но все равно будто в полутьме светится... Оторвав взгляд от находки, вдруг разглядел Виктор на полу прямоугольную площадку, примыкающую к стержню фонаря, не развиденную им в прежние дни, будто и не существовавшую, но проявившуюся ясно только теперь.

Он скovyрнул прямоугольник пальцами и под ним увидел батарею, провода, разбросанные на полу болты, шайбы и куски изоленды. Провода поднимались вверх внутри тела фонаря к лампе, но один из них будто был недозакреплен на аккумуляторе или выскочил от сотрясений непогоды.

— Спаси и сохрани, — проговорил Виктор и примкнул отошедший провод к зацепу.

В тот же миг купол маяка окрасился солнечным светом, лампа пришла в движение, закрипели механизмы, и полетел

по шири морской надежды цвет.

Забываясь сном светового кружения, Виктор слышал внизу дикое оживление, звуки голосов ожесточенных, нечеловеческих, удары в затворенную лаза дверь и тяжелый плеск воды, изумивший тишину окрестностей...

Годный день второй

— Ты прежде убивал людей?.. — шептались в темноте.

— Нет, конечно. Но в последние дни мне разное снится... Две недели недоедаем. А запасы выйдут совсем... через четыре дня. Пойми, примерно на третий день без еды для нас, непривычных к голоду, мучения станут невыносимы. Появятся мысли... и у Виктора, и у Даниловны. К тому же на исходе запасы воды.

— Сережа, что же делать?..

— Не дать пропастине забрать четверых. Нельзя ослабнуть. Нужен протеин... Станем есть, будут силы для борьбы и остального. Сама знаешь...

— Мне кажется, — всхлипывали в темноте, — я не смогу... Какое оно?

— Тише, Астрия, разбудишь. Откуда же я знаю: в лавках его не купишь. Но полезное точно. Все в дело пойдет, ничего не надо организму выкидывать.

— Там, на корабле, я думала, ты не всерьез...

— Надо выживать. Все обернулось круто...

Утро встретило спасающихся в плавучем бую попутчиков угрюмо. На небе не было лица, тучи набегали с четырех сто-

рон и обещали непогоду.

— Как бы не случилось бури, — вглядывался в небо Сергей Алексеевич. — Помотало нас неделю назад жестоко, прокричались все... А чего, Витя, такой смурной?

— Прикачало небось, чего пристал, — заступалась за Виктора Даниловна, дама солидная во всех смыслах. — Давайте лучше за перекус, пока не началась мотанка.

— Все-то ты, Даниловна, о кормлении. Пропустила бы хоть денек, — недобро намекала Астра Валерьевна.

А Виктор и вправду был ошеломлен. Непокой прошедшей ночи сделал его свидетелем жутких задумок помещенных с ним рядом сожителей. Разговор о вредительстве мог касаться только его или Даниловны, неповоротливой и бестревожной, смилившейся с испытаниями, неудобствами и принявшей все провиантные заботы на себя.

— Думаю попробовать до волнения наудить рыбы. Накрошишь сухарей на прикорм, Даниловна? — сообщил Виктор всем и, присев на корточки рядом с Даниловной, зашептал ей вполголоса: — Собирай припасы срочно, задумали нас с тобой придушить... Все что есть съестного — в пакет, — а вслух проговорил: — И баллоны давай пустые в лодку, Сергей Алексеич. Станет дождь заливать, напольшу.

— Наполни, наполни, — стал ворошить двадцатилитровые бутылки в противоположном углу доктор, но, заметив, что волочит Виктор целый с водой баллон, завystупал: — Этот-то, Витя, куда? — И, будто начав подозревать, подошел

к Виктору, вцепился в баллон, вырвал его у Виктора из рук и откатил в сторону.

— Как это я прихватил... и не заметил, — кисло улыбнулся Виктор.

— Что там, Даниловна? — подошел к побледневшей хозяйке буя Сергей: — А-а-а, это все наши припасы у тебя? Давай сюда. — И, достав из припасов один небольшой сухарик, доктор отдал его Виктору: — Держи. Накро́шишь сам. Да и в лодке-то не уплывай далеко, а то волной оторвет от нас и будешь скитаться.

Недолго крутился Виктор по морю, хотя непогода все не разрешалась. Внезапный неудержимый крик зазвучал над водой. Виктора звала к маяку Астра Валерьевна, сообщая жестами из створов буя, что нечто необратимое притворилось.

Задохнувшийся от скорой гребли Виктор ввалился внутрь маяка. В углу, окрашивая пол сливой, хрипела на исходе Даниловна. Шея ее была неестественно подломлена, взгляд застыл, а пальцы эпилептически впивались в металл маяка.

— Витенька, как же так, — убеждал доктор. — Приподнялась, тут качнуло, ну и опрокинулась. И враз головой в барьеры. Хрустнуло что-то, захрипело, и запах, знаешь, такой пошел!.. Конечный!

— Даниловна, милая женщина! Что же, как же!.. — припадал к утихающей Виктор. — Это ты все, негодяй! И фурия твоя Астра Валерьевна, — пожалел уже о вырвавшихся сло-

вах Виктор, различая, как тянется доктор к старой плитки блинам.

Некогда было страдать-надумывать, схватил Виктор полупустой баллон с водой и поволок вверх под своды лампы маячного фонаря.

— Витя, брось, что ты?! — не сразу сообразил доктор.

И только когда Виктор затворил люк, Сергей Алексеевич осознал досадный промах — неприступная железная купола дверь, крепкое маячное стекло оградили Виктора от его вторжений.

Долго еще Сергей Алексеевич и Астра Валерьевна уговаривали Виктора снизиться, уверяли его в своей решительной безучастности, объясняли, что это, мол, сама Даниловна себя в проекции завернула и прекратительно подкосила. Но не слушал их Виктор, и вскоре жилыцы подпольные его оставили.

Завязалась тогда внизу уборки кутерьма, споры частые, слезы, истерики. И впервые, засыпая в ту ночь, услышал Виктор ненасытное чавканье, а еще разговоры о засветившихся в темноте глазах.

Годный день первый

Виктор Карнов, студент пятого курса Дальневосточного университета, спешил на морской вокзал. Оттуда он думал выйти в шестидневное путешествие по маякам края, чтобы собрать для защиты на педагогическом материал о выдающихся строениях людей, что, как и учителя, дают в жизни

направление, освещая верный путь.

В плане были маяки Токаревский, Гамова, Рудный, Слепиковского и целая россыпь других сигнальных башен, большей частью заброшенных на дальневосточных берегах. Окончиться путешествие должно было посещением разрушающегося маяка на скале Сивучья перед крутым мысом Анива, но предводитель группы сразу участникам сообщил, что погода может переиздумать, и тогда не каждый получит-ся объект посмотреть, а куда-то и вовсе придется плыть на маломерных лодках.

Одиноких туристов на судне было немного, в этот раз четыре дюжины пассажирских мест почти все скупил участники конференции «Пища будущего»: врачи-диетологи, нутрициологи, санитарно-ветеринарные специалисты из различных городов нашей широкой страны. Они-то и поделились с Виктором гастрономическими проектами грядущего за очередным обеденным столом.

— А ведь и вправду говорят, приручить человека потреблять всякую, простите, мерзость — легко, — сообщал, перекладывая последние отрезки отварного языка из общего блюда к себе в тарелку, приветливый толстяк.

— О чем вы, товарищ Примов? — с досадой на свое промедление с закуской уточнял Сергей Алексеевич.

— Так вот о том самом, про что теперь утром ваш доклад был, товарищ Резник. Ну разве прежде могли мы с вами обсуждать концептуально, простите меня, Виктор, вопросы по-

жирания господина студента, например, — и Примов нерешительно открытой ладонью указал на Виктора, сидящего за столом напротив него.

— Боже мой, ну разве можно! Сережа, поправьте его, ведь вы не на самом деле! — закричала Астра Валерьевна.

— Казалось бы, там, где случается что-то подобное, все человеческое пресекается, — продолжал Примов, поглощая язык. — И стоит только заявить о мыслях таковых, вас непременно объявят зверем или Сатурном, пожирающим собственных детей.

Сергей Алексеевич молчал, ожидая от Примова продолжения.

— И тогда приходят ученые, чтобы впервые о таком недопустимом заговорить. Мол, на то мы и приручены, чтобы обсуждать, и ничего ненастного не задумали. Случается проверка на всхожесть, а истины привычные претерпевают атаку. А далее обсуждение становится обычным, люди свыкаются, и вот кто-то уже сообщает: действительно, ну почему нет?

— То есть вы отрицаете благодатный эффект? Для планеты, для сокрушения голода, защиты от потепления? — вступалась за Сергея Алексеевича Астра Валерьевна. — Виктор, а вы что скажете?

— Ну, я, конечно, решительно против моего поедания, — попытался отшутиться Виктор, сообщая о неудобстве сложившегося разговора.

— Молодой человек, но такой несовременный, — досадовал Сергей Алексеевич. — Но ведь отдают же тела науке... почему же не насытить голодных? А потом, товарищ Примов, мы ведь не вдруг об этом говорим: древние поедали друг друга на протяжении столетий, а потом пришли борцы за человечность — выдавать насилие порабощения за идеалы гуманизма. Посмотрите находки, свидетельства...

— Да, да. Много раз слышал эти приговоры. Таким образом часто теперь порок возводится в свободы, заступники обращаются в насильников, а все органичное для человека зовется преступлением, — возражал Примов. — От недопустимого до общепринятого в общем-то один шаг.

— Простите, Сергей Алексеевич, но как вы будете жить дальше, после совершения?... — уточнял Виктор.

— Полагаю, как и прежде. А случись некоторая со мной стыдливость или если обитающие рядом начнут заявлять протест, можно ведь и иную создать личность, покинуть места, позабыв все, как недоразумение. В конце концов, стоит попробовать ради возможного благотворения человека.

— Как удивительно у вас сочетаются кровожадность и человеколюбие, Сергей Алексеевич... — не окончил фразу товарищ Примов, и внезапная жизнь, как всегда, доказала, чего стоят на деле любые масштабы и намерения человека.

В тот ясный день белая волна-убийца вдруг появилась в прибрежных водах Японского моря. Эти блуждающие без причины и здравого смысла волны встречаются и на мел-

ководье, и на глубокой воде вопреки прогнозам и геофизическим ожиданиям, воспаряют на высоту не менее двадцати шести метров, чтобы обрушиться с силой превыше тысячи килопаскалей механического напряжения на зазевавшиеся корабли, раскалывая корпуса, срывая фальшборты и прикрученные стальными болтами лебедки.

Волна ударила в самый центр идущего по морю корабля. Судно вмиг все оказалось под водой, затрещало страшными повреждениями. В центре палубы зазияла пробоина диаметром не меньше четырех метров, а устроенный на корме застекленный ресторан со всеми его навесителями был смыт в море.

День завершительный

Патрульный катер «Мангуст» неуверенно шел на сигнал. В навигационных картах мелей или опасных камней в зоне не значилось. Тем не менее луч призывал золотым цветом, привычно означающим морскую для судов глубокой осадки гибель.

Уже на подходе спасатели прибрежных вод Олег и Игорь различили давно не виденный, вышедший из всех употреблений корпус плавучего маяка крепкой оснастки и вместительного строения. Откуда враз появился он у российских берегов, да еще и выдававший всем живым призывы... Кажется, призрак качался на воде, завлекая жертвы себе в подношение.

— Держи ровнее, Олег, — помогал Игорь. — Сей раз при-

вяжемся и обсмотрим находку. Эко его помотало. Гляди! Утратил основы, а все равно светит.

Игорь привязал катер к бую и уже силился приоткрыть в тело маяка дверь, но ход не давался, точно скрывал собившееся внутри. Тогда спасатель показал жестом Олегу, что не управиться здесь без инструмента, и, взобравшись на крышу рубки «Мангуста», стал карабкаться к куполу маяка.

Желтый свет лампы сперва ослепил его, но и на обратном ходе сигнала сложно было что-то разглядеть сквозь разошедшееся трещинами стекло маяка.

— Будто бились в фонарную снаружи! — кричал Игорь, пока Олег корежил ломом в основу маяка дверь.

Петли скрипели, натужились, но в конце концов решили уступить. Завалилась входная створка наружу, овеявая спасателя тяжелой воню.

— Боже мой!..

— Что там, Олег? Есть кто живой?!

— Всяких полно, живых нет! Что за ярая смерть! — кричал, сдерживая тошнотворные позывы, Олег. — Нечистые здесь заточены, спаси Господи! Жрали друг друга до последних соков...

— Олег, передай-ка стержень. Будто есть в башне живой. Точно! Явится шевеление. Вызволим редкого на ясный свет.

В истощенном, болезнном состоянии доставили Виктора на материк. Долго еще он возвращался к жизни, не имея ни духа, ни крепости, чтобы все случившееся обсказать, все по-

вторял беспонятливым сестрам и служителям порядка, что можно ведь и не истреблять друг друга.

* В названии рассказа использована цитата из фильма «Замысел» Дмитрия Зодчего (2019).

Анна БЕЗУКЛАДНИКОВА

Не уходит

Легкомоторная лодка качалась на волнах так, что Ева то и дело вздрагивала. Плавать она не умела, а спасательные жилеты на станции не предлагали. Она покосилась на Вадика. Муж держал ее за руку и что-то чуть слышно бормотал, глядя на оставшуюся позади едва видимую полосу берега. Ева знала, что ему не понравится эта поездка, но больше терпеть не могла.

Лодка прыгнула на волне, Еву неприятно подкинуло, и она ударилась спиной о корму.

— Ну и лихач нам попался, — нервно возмутился Вадик.

Ева посмотрела на гномовидного провожатого, прячущегося в брезентовый тяжелый плащ. Старик следил за курсом и всю поездку был угрюм и молчалив. Вечернее солнце давно скрылось за тяжелые синие тучи, и темное небо сливалось на горизонте с беспокойным морем. Если присмотреться туда, вдаль, можно было различить, словно единственную звезду на небе, мигающий свет старого маяка.

— Не могу представить, как это — жить отшельником среди моря, — шепнул Вадик. — А если, к примеру, аппендицит? Или пивка с чипсами захочется?

Ева потеряла правый висок, с той стороны, где сидел муж. Обычно помогало, если начинала гудеть голова. Лодка резко повернула, и волна окатила лицо Евы мокрыми брызгами. Она возмущенно цокнула. Вадик пожал плечами, ему-то хоть бы что.

Наконец перед ними показалась драконьей спиной темная каменная гряда, на которой одиноко высилась седая башня маяка. Лодка медленно подобралась к острову. Старик заглушил мотор, взял канат и ловко закинул его за железный столбик, затем подтянул лодку к бетонной плите, служившей чем-то наподобие причала. И показал жестами, что надо выходить. Видимо, глухонемой, подумала Ева. Она аккуратно вылезла из лодки, чуть замочив левый ботинок. Внутри него тут же стало мокро, еще не хватало заболеть. Старик быстро собрал канат обратно в лодку и завел мотор. Вадик присвистнул ему вслед.

Маяк был совсем близко, но как до него добраться? Башня стояла на каменном возвышении: видимо давным-давно для того, чтобы заложить для нее фундамент, выдолбили часть скалы. По сырому от дневного прилива песку они дошли до каменной гряды, огляделись и обнаружили вполне устойчивую железную лестницу, ведущую наверх. Ева старалась подниматься по ней аккуратно — ступеньки были мок-

рые, местами покрытые слизью морской зелени. На середине пути остановилась, чтобы отдышаться.

С высоты остров показался небольшим: за каменными выступами и кустами отовсюду проглядывалось море, а внизу, на северной стороне, у воды, стоял деревянный сарай и более обустроенный причал с катером. Чуть поодаль возвышался небольшой холмик, а рядом с ним — черная каменная плита.

— Что это там, чья-то могила? — спросила Ева.

Вадик молчал. Он выглядел напряженным и всю оставшуюся дорогу до входа на маяк насвистывал что-то себе под нос. Чем выше они поднимались, тем гуще и тяжелее становился воздух. Ветер раздувал Еве капюшон так, словно хотел вытолкнуть ее с лестницы. Добравшись до верха, они прошли к крыльцу маяка и постучали в дощатую дверь. За ней что-то скрипнуло. Еве показалось, что кто-то разглядывал их через узкую щель.

— Здравствуйте, — уверенно сказала Ева.

— Кто там еще? — раздалось басом. — Никого пускать нельзя, не положено.

— Помогите мне, пожалуйста. Кроме вас, никто не сможет...

Скрипнул засов, и дверь открылась. Смотритель маяка, Афанасий Горов, был бородат и хмур, похожий на батюшку из московского храма, к которому Ева тоже обращалась за помощью, но тот не справился. Хотя нет, не сильно похож, просто из-за густой бороды такое впечатление. Этот был выше и шире в плечах, лобастый. Зыркнул на Еву, потом на ее

мужа. Вздохнул:

— Поня-ятно.

В узкой, обитой деревом комнатухе, служившей Горову кухней, было навалено много всякой рыбацкой утвари: сети, удочки, ведра... Вадик, разглядывая тяжелые острые копыя, толкнул Еву под бок — смотри какие! Ева взволнованно дернулась. Горов прищурился:

— И давно это с тобой?

— Два года, четыре месяца и восемь дней, — ответила Ева. — Сразу после аварии на трассе. Я сначала по врачам ходила, но все бесполезно. Прописывали таблетки, но толку ноль. Не уходит...

Горов усмехнулся, помешивая варево на плитке. Запах стоял такой, что, даже не будучи голодной, Ева согласилась поесть. Вадик сидел молча, наблюдал за ней и слушал разговор. Было заметно, что он понимал: назад дороги нет.

— Потом в церковь ходила и к бабушке одной на Алтай летала.

— Про меня откуда знаешь? — спросил Горов, разливая по глиняным плошкам рыбный суп.

— В самолете по пути домой разговорились с женщиной. Я от усталости выболтала ей все как на духу, а она и рассказала, как прошлым летом вы ей помогли. С матерью она мучилась, не помните такую? Зоя Сергеевна из Москвы.

Горов кивнул:

— Сказала Зойка, что это не я ей помог, а жена моя?

— Нет, а это имеет значение? — спросила Ева, обжигая рот ухой.

— Ишь ты... Значение! А золото, золотишко-то, привезла?

Про золото Зоя Сергеевна, конечно же, предупредила. Ева достала из кармана сверток, развернула. Блеснуло старое бабушкино ожерелье. Горов подобрел. Перемешал острием ржавого ножа табак в трубке, прижал его большим пальцем. Когда трубка достаточно разгорелась, он задымил ею и начал рассказывать про свою жену, как любила она наряжаться, а больше всего по душе ей было золото.

— Душу за него могла продать, — улыбнулся Горов, поглаживая пальцем потемневшую от времени застежку. — Мне ничего от тебя не нужно, а вот ей эта побрякушка подойдет. Сейчас покажутся первые звезды — и можно будет идти.

Суп был наваристый и жирный, в другое время Ева не смогла бы его даже попробовать, а тут, замерзшая и уставшая, съела все до дна и даже собрала остатки черствой корочкой ржаного хлеба. Предчувствие долгожданной свободы согревало ее не меньше рыбного супа.

— Отдашь ей золото сама, — сказал Горов, надевая плащ.

— А где она?

Горов хрустнул шеей и молча вышел на крыльцо, оставив дверь открытой. Ева подхватила сверток и поспешила за ним. Вадик поплелся следом, опасливо озираясь:

— Мутный тип, а? Может, ну его?

— Нет, я все решила.

— Будто так уж и плохо тебе живется, — Вадик попытался встать на ее пути. — Давай еще раз все обсудим, это же на самом деле не такая уж и беда. Учитывая обстоятельства...

— Я больше так не могу.

— Отговаривает, что ли? — крикнул Горов.

— Имею право, — бормотнул Вадик.

Ева обошла его и поспешила за зрителем, который уже начал спускаться по лестнице. Они прошли до середины, и затем Горов перелез на тропинку, которая вела в обход скалы к причалу. Они сошли на песок.

— Так это что же... Ее могила? — догадалась Ева.

Горов кивнул и махнул рукой:

— Иди. Дальше сама. Положи там.

Волны шелестели на берегу. Где-то позади, в зарослях колючих кустов, ухала сова. Ветер тормозил травянистые бугорки. На небе мигала яркая звезда, будто о чем-то предупреждая или напоминая, но Ева уверенно шла к могиле жены Горова. Достала сверток и положила сверху, на холмик. Поежилась от холодного ветра. Ну и что дальше? Вадик стоял рядом и хмуро смотрел вместе с Евой, как из-за черной мраморной плиты пополз по земле туман. Серое облако дотянулось до свертка, скрыло его и начало вытягиваться наверх, обретая едва уловимый глазом силуэт. Спустя секунду на Еву и Вадика смотрела бледная молодая женщина.

— Что это еще за... — прошептал он.

Женщина подошла ближе, рассматривая лицо Евы. Достропулась до ее щеки ладонью, но Ева почувствовала лишь холодок по коже. Легкий ветерок с моря расшевелил ей челку, но и в этом движении воздуха ей узнавалось дыхание иного мира. То же самое она чувствовала от прикосновений мужа. Женщина откинула длинные волосы, и Ева увидела на ее шее бабушкино ожерелье. Значит, приняла подарок, подумала Ева. И, словно подтверждая это, женщина резко схватила Вадика за воротник и потащила за собой в туман. Ева зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела лишь серую дымку, которая стелющейся полоской скрылась за мраморной плитой.

Ева почувствовала, что наконец-то ей стало спокойно. И даже захотелось спать.

Горов не сводил глаз с могилы, потом высморкал нос и вытряс пепел из трубки. Они направились обратно к маяку, думая каждый о своем. Ветер погнал прочь черную тучу, и неожиданно показалась луна. Она осветила берег и проложила блестящую дорожку по черной недвижимой воде вдаль, вплоть до самого горизонта.

На следующее утро Горов стоял на берегу и смотрел, как забравшая Еву лодка медленно теряется в дали синих волн. Если бы его спросили: хотелось бы ему уплыть отсюда вместе с ней на Большую землю? Он, вероятно, не нашелся бы что ответить.

Когда-то давно, после долгой службы на Северном флоте, Горов вернулся в родную деревню и начал жить в ожидании того, что предложит ему судьба. А она явилась к нему однажды утром с просьбой починить калитку в доме через улицу, в виде молодой незамужней Фроси. По весне деревня проверяла свои хозяйства: крепки ли заборы, не подтекают ли крыши, не отсырели ли подвалы. Люди достраивали, чинили и ремонтировали, помогали друг другу по-соседски. Жужжали пилы, стучали молотки — на несколько недель деревня превращалась в дружный оркестр — и просьба Фроси Горова не удивила.

То, что Фрося пошла именно к Горову, для деревни было странно — за ней ходил полоумный сын местного батюшки. Страшно ходил: ночами стучал в окна, караулил у церкви, дразнил длинным языком и пучил глаза. Но все равно, какой-никакой, но жених. Натерпелась от него Фрося. Спустя несколько дней его нашли мертвым на берегу моря, резкие утренние волны не жалели его раскуроченной пулей головы. Был он левша, а револьвер держал в правой руке.

Только после свадьбы Афанасий узнал, что была у Фроси мания — тянуло ее, как сороку, ко всему блестящему, особенно сводило ее с ума золото. Как проклятая замирала она в городе перед витринами с украшениями, и не дай бог в гостях супруге товарища по службе, желающей произвести впечатление, достать к обеду золоченые ложки.

Горов жену любил и странности эти старался не замечать,

зато деревня все чаще гудела и шепталась у них за спиной. Если пропадали у кого серьги или обручальные кольца — злились и думали на Фросю. А когда из единственной на всю округу церкви исчез золотой напрестольный крест, которым местный батюшка святил воду на молебнах, к дому Горовых пришла толпа. Участковый требовал досмотра, деревня гремела и проклинала Фросю.

В доме золота не оказалось, подтверждений наветам не нашлось, недовольные люди еще немного поругались и разошлись. Но после этого случая Горов принял предложение от бывшего капитана и уплыл с Фросей жить и работать на маяк, вдали от озлобленной деревни. И хотя крест потом батюшка нашел за престолом — завалился в щель между досок, — про Горовых начали ходить слухи, будто уплывали они не с пустыми руками. А все потому, что старуха, чей кривой домишко стоит на берегу у станции, видела краем подслеповатого глаза, будто грузили Горовы с собою в катер полный золота сундук.

Осенью, когда к маяку приплыли лихие люди, Горов занимался ремонтом генератора. Тот чихал всю ночь, а Горову и без этого не спалось: батюшкиным проклятием ходил за ним призрак бывшего жениха Фроси, как помер, так и ходил — с раскуроченной головой, пуча один глаз, и все тряс левой рукой, насмехался.

Фрося на заднем дворе кормила кур и попала к грабителям в руки запросто, без сопротивления. Под дулами револь-

веров запустила их на маяк — ничего там не нашлось. Грабители велели Фросе брать лопату и спускаться на берег — показывать, где зарыт злосчастный сундук с награбленным золотом. Когда Горов с маяка увидел, как держат его жену и роют землю у причала, так и кинулся туда, захватив ружье, но жену спасти не успел — одного-то он уложил разом, а второй, подбитый в плечо, успел пальнуть два раза: в сторону маяка и со злобы в грудь Фросе. Упала она в яму, на свои спрятанные от чужих глаз сокровища. Там Горов ее и похоронил, а тела грабителей завернул в брезент с камнями, отвез туда, где море поглубже, и сбросил в воду.

Спустя пару недель поздней ночью потянуло Горова на могилу к Фросе, и призрак, как обычно, увязался следом. И звезды видели, как явилась к Горову жена, обняла его, чтобы утешить, а когда заметила призрака — схватила того за горло и потащила за собой в другой мир. За пьянкой однажды рассказал он эту историю механику с Большой земли. Тот оживился и попросил помочь теще, которую мучил умерший внезапно во сне тесть. Горов пожал плечами. Так на остров начали приплывать просители, и тем, кто вез для Фроси подарки, Горов помогал.

Много лет прошло с тех пор. Устал ли он от одиночества? Горов усмехнулся. Нет, здесь он все-таки не одинок. За спиной стояла его жена и другие призраки — уже одиннадцать душ, приют на острове которых был оплачен золотом.

...Ева налила в чашку заварку, добавила кипятку.

Села за кухонный стол и начала размешивать ложечкой сахар, бренчать ею по стенкам чашки. Чаинки кружились хорошо вокруг ложечки, и пока они медленно и плавно опускались на дно, Ева по привычке нет-нет да и оборачивалась через плечо — но Вадика больше рядом с ней не было.

Ева убрала его фотографии с книжных полок. Одежду и обувь увезла в ночлежку, приставку и коллекцию моделей кораблей продала за копейки на сайте продаж. Выдохнула. Все правильно сделала. Новая жизнь требовала перемен, которых Вадик бы не допустил. Долго она не могла в это поверить и поначалу никак не решалась заглянуть в зеркало — боялась, что, как в первый раз, снова его увидит за спиной, услышит в голове его голос. Но нет. Жена смотрителя маяка крепко держала его на острове, и не мог он больше упрекнуть Еву в подстроенной ею аварии. И никто больше не сможет. Ева пила чай, и собака впервые за долгое время спокойно лежала у ее ног.

Екатерина БЕЛЧЕС

Пора

В латунных широтах теплого моря я встречаю новый вечер. Я стряхиваю крошки брызг, расправляю лучи, смело смотрю вперед. Я ртутный поток жизни, шаровая молния тысячи линз, хрустальная нить океана. Я маяк, я свечу кораблям.

Я свечу ночью, когда звезды улыбаются жемчужным амфорам мело. Я свечу, когда чайки спят, а морские рыбы шепчут друг другу на ухо колыбельные-сказки. Я свечу, и мой луч отражается на самом кончике трубки капитана, отскакивает от золотой кокарды на фуражке и падает на перстень морского волка.

Я свечу в тумане, когда Киноварь Солнце спит. Лишь тугие волны лижут уступы моего бедра. А воздух напитан прямой полынью воды. От моего не-света рвутся сосуды, лопаются планета, рассыпаются в кло чья вселенные. От моего не-света погибает мир.

Я не хочу уходить, я не хочу погаснуть. Но вчера пришли люди, долго махали картузами — козырьками, пузырились кителями — кафтанами, кричали в тишину: «Пора!»

— Пора!

— Пора что? — спросил я у чайки-наседки. Она свила гнездо у самого фонаря, малышам чаинкам так слышнее сердце океана. Чайка сверкнула глазами цвета погибшего льна и улетела.

— Пора что? — шепчу я утренним облакам, когда латунные звезды завернулись в теплые одеяла сна, а Киноварь Солнце окатило все янтарным покрывалом. Облака дышат свежестью и ветром, облака молчат.

Кряхтит лишь старый смотритель — маячник. Он знает все правды мира, но молчит. Смотритель протирает большое лицо часов Фуко, стучит костяшками пальцев по вяле-

ной рыбе, гладит алтынный подстаканник. На его ресницах лежит пыльца дальних стран и утренняя роса.

— Пора что? — Я смотрю ему в лицо. Его лицо — лицо друга. Он отвечает за меня, а я за него. Мы равны, мы квиты. Он не может больше молчать.

Смотритель надевает китель и фуражку. Становится у самого подножия моего корня. Его борода развеивается на ветру, а седые пряди выбиваются из-под каскетки.

— Пора, друг! — говорит смотритель. — Новое время, новые люди, — трет смотритель бровь. И чуть слышно: — Новый маяк. Но для начала придется не быть.

Не быть значит умереть. Умереть можно. Умереть не страшно, когда ты знаешь, что путь твой на огненной оболочке земли пройден, а круг дней замкнулся. И бирюзовая вязь неба и травяные лучи ждут тебя у дома.

Но умереть и знать, что катера и лайнеры не смогут найти узкий проход Босфонел, нельзя. Оплетутся волнами, поймут резак и воткнутся в спину горы. А сверху полетят волшебные брызги сердца океана. Нет. Я скажу ему нет. Так нельзя.

— Я ничего не могу сделать, друг, — погладит мою шершавую спину смотритель.

— Борись за нас! Ты еще не зима, ты осень. А осенью океан полон надежд. Ты же знаешь.

Смотритель опускает глаза. Он устал. Ему уже снятся травяные лучи и теплое терпкое молоко коз. Ему снится лен, босые ноги в реке и бумажные кораблики. Соленый друг с взъерошенной гривой кивает:

— Пора!

Киноварь Солнце расплавilo паутину утра, разошлось золотой лавой по глади, причесало корабли крупной золой. Се-

годня день летнего солнцестояния, сегодня много дня и мало ночи. И я решаюсь. Я делаю глубокий вдох и ныряю на дно. В самую пучину. К сердцу океана.

Сердце океана подскажет мне путь. Я вижу чешуйчатых рыб с горбами-плавниками, кораллы высочайшей пробы, я вижу соль — слезы на лицах медуз. Сердце океана стучит. Сердце океана зовет. Сердце океана откликается.

Я сплю и вижу сон. По моим лестницам бегают суетливые люди, меняют мне рубашку, расчесывают мои лучи, укрепляют мой корень. А я молчу. Мне поменяли наружность, но мое нутро осталось. Мне распушили ресницы, и мои глаза раскрылись шире. Я вижу косяки сельди и малышей дельфинов. Я чувствую нутром моторы лайнеров и лодок, я знаю их давно.

Мне оперили крылья и прибавили им густой мускульной силы. Я вырос. Я маяк-великан. Я просыпаюсь. Я блещу на солнце и свечусь новой чешуей. Я маяк-благодарность. Я маяк новой эры. Эры Водолея.

— Эй, — кричу я смотрителю. — Эй! — щекочу ему волосы лучами. — Это все тот же я. Ты знаешь мое нутро. — Но смотритель молчит. Смотритель спит. Я тихонько накрываю его теплым одеялом ласковых дум, доношу ему ветер воспоминаний, глажу его брызгами соли и ветра. Смотритель ушел в страну травяных лучей и теплого молока коз.

Завтра придут люди, будут тихо говорить, встанут навытяжку и отдадут честь. А потом смотрителя опустят в тихие

воды, и он поплывет в самое нутро океана. Его будут приветствовать рыбацкие лодки и корабли, лайнеры и крейсеры. Они погудят ему вслед и дунут облаком волн. Но я знаю, что зритель спокоен. Лепестки времени раскрылись, осыпалась пыльца перемен, и созрела пора. Его пора вернуться в сердце океана.

Дарья МОРДЗИЛОВИЧ

Журнал Морригана

LP.1

Керби увидела ее первая. Я выключил лампу и сошел с маяка, когда услышал ее лай — со стороны западного берега.

Женщина от тридцати двух до тридцати пяти лет, славянской внешности, рост примерно метр шестьдесят пять, волосы длинные, русые, глаза серые, цвета графита, с сизоватым разводом вокруг зрачка, на левой щеке небольшая родинка; одета в синий клетчатый сарафан (сто процентный хлопок, страна производства: Турция), босая; видимых повреждений не обнаружено.

Когда я прибежал на место, то увидел, как Керби, вцепившись зубами в одежду, пытается оттащить женщину от воды. Каким-то чудом она умудрилась добраться до острова на обломке корабля — как если бы оказалась в океане по трагической случайности; и этот путь был так долог, что она потеряла сознание и порядочно нахлебалась воды. К счастью,

мне удалось ее реанимировать, после чего я отнес ее в дом, где обтер полотенцем, переодел в сухую одежду и уложил в гостевой комнате.

LP.3

Три дня она пролежала в бесспамятстве. За это время мы с Керби добыли крольчатины в лесу — на случай, если ей не по вкусу баранина. Ко всему я срезал стебли сельдерея, выкопал картофель, собрал поспевшие яблоки, чтобы приготовить сок, если она не захочет вина. Хотя на мое вино до сих пор никто не жаловался.

Она пришла, когда я косил траву за садом, чтобы заметить подстилки в хлеву, и опять Керби заметила ее раньше меня. Она сказала, что боится собак, и попросила убрать пса подальше. Я заверил, что Керби добрячка и вовсе не собиралась на нее нападать, лишь предупредить хозяина, чтобы тот не стоял задом к даме.

Я представился ей Морриганом, смотрителем маяка. Что это за место, спросила она и вдруг спохватилась: вы англичанин, вы знаете русский? Я ответил, что не только русский и что у острова нет имени; точнее, его наверняка вычитаешь в каких-нибудь ископаемых картах или летописях и, может, кто-то из предшественников моего предшественника что-то слышал, но мне он достался таким — безымянным. Но где же, где он находится, спросила она, территориально где. В Атлантическом океане, сказал я для того лишь, чтобы она успокоилась.

Однако стало только хуже. Выяснилось, что Лара (для друзей), или Лариса, Полетова (через Е, а не Ё) — так она назвалась, — понятия не имеет, как оказалась на острове и тем более — в Атлантическом океане. Последнее, что она помнит, — как легла спать в своей однушке в центре Энска, не дождавшись мужа с работы. Где Энск и где этот ваш океан, повторяла она, вы меня разыгрываете, что ли. Нет? Значит, я сплю! Мне пришлось бросить косу и схватить ее за руки, чтобы она перестала себя калечить.

Я заверил ее, что такое случается, люди порой что-то забывают из-за сильных потрясений. Забыть, как я оказалась посреди океана?! Когда мне и на то, чтобы съездить к тетке в Москву, денег не хватает? Я что, выиграла в лотерею, в которой не участвовала? Это какая-то ошибка! Может, меня похитили? Боже, да кому я нужна, нам с Олежкой еще двадцать лет платить ипотеку... Где телефон, мне нужно ему позвонить!

Кое-как мне удалось завести ее на кухню и напоить крепким чаем без сахара. Я объяснил, что телефона у меня нет, аппаратура на острове допотопная, так что от мира мы фактически отрезаны. Спросил, болела ли она, а может, у нее есть друзья, которые могли бы устроить ей такой «сюрприз». Лара покачала головой. Теперь она выглядела совсем потерянной. Тогда я сказал, что на острове ей бояться нечего и я буду рад разделить с ней свое скромное жилище и стол. Я вас не знаю, сказала она тихо. Я рассмеялся. Теперь знаете.

А корабли здесь часто ходят, спросила она. Случается, ответил я. Но вам ведь как-то доставляют припасы, лекарства — раз в месяц-то точно должны. У меня все свое, вы сами видели сад, а еще я держу овец. Ну а лекарства? Болеть я никогда не болел. А если с вами что случится, если вы сорветесь с лестницы, со скалы? Вас же проверяют? Если со мной что случится и маяк не зажжется, тогда, полагаю, мне пришлют замену. Так когда же меня спасут? А вас ищут? Не знаю, должны, наверное, Олежка и родители... Я пожал пле-

чами. В таком случае будем надеяться, что найдут.

LP.9

Показал Ларе дом. Извинился за холостяцкий беспорядок — я давно перестал замечать растущие, как грибы, тут и там стопки еще не прочитанных книг, свечи в разномастных подсвечниках, сухоцветы в глиняных вазочках, всякие безделушки, перешедшие мне по наследству от прошлых зрителей, как то: трубки, мольберт с немытыми кистями и палитрой, скрипка с ослабшими струнами, шахматы, всевозможные наборы для рукоделия (клянусь, что где-то видел ткацкий станок), пластинки, диски, фетровые куклы, печатная машинка, стамески и прочее, и прочее. Некоторым помогает занять себя каким-нибудь делом. Надеюсь, Ларе тоже поможет.

Дал ключ от гостевой и заверил, что не войду без стука, — чувство собственности, как я заметил, также держит на земле. Она нашла где-то веревочку и повесила ключ на шею.

Из белой рубахи, в которую я ее передел, она предпочла вернуться в свой вылинявший от соли сарафан. Я сказал, что это плохая идея и от побывавшей в морской воде одежды лучше избавиться: сколько ни полощи, прежний вид ей не вернуть. Но Лара уперлась. Пришлось отступить. В следующий раз в первый же день сожгу старую одежду.

Я показал ей хлев и пасущихся овец, поразивших ее своей черной шерстью. Еще больше ее удивило, что за стадом присматривает только Керби, хотя совсем рядом скалы и лес.

Не бойтесь, что их загрызет какой-нибудь волк, тигр или кто здесь у вас водится? Я ответил, что единственный, кого им действительно стоит бояться, это я.

Я показал ей кипарисовую рощу с пещерой, из которой выходят четыре ручья, — отсюда я раз в пару дней ношу воду для питья; показал облюбованный чайками утес — самих птиц можно увидеть только с океана, но всякий раз, стоит мне приблизиться к краю, они поднимают дружный крик. Здесь Лара спросила, отчего я не готовлю рыбу и птицу, лишь баранину, крольчатину, кабанятину... Пришлось сказать, что здешние в пищу не годятся. Разве что-то не так с водой, удивилась она, подумать только, сколько я наглоталась. Да, сказал я, считайте, вам повезло. Лучше держитесь от нее подальше: она из тех, в которые дважды не заходят. Что за остров такой, сказала Лара.

Она все еще ждет спасателей и часами сидит на берегу, рядом с деревянным обломком: крутит, вертит его, точно надеясь найти подсказку. Напрасный труд! Иногда Лара отказывается покидать свой пост, и я, прежде чем уйти на маяк, приношу ей ужин на подносе. Позже, стоя на продуваемой всеми ветрами площадке под фонарным помещением, я наблюдаю, как ее одинокая, завернувшаяся в одеяло фигурка то появляется, то исчезает в луче света, и время от времени невольно задаюсь вопросом: это все еще Лара или волна вынесла на берег зашитый в мешок труп? Иногда мне видится в ней большой неуклюжий птенец, устроившийся прикорнуть

в песке. Он думает, что в безопасности у воды, однако именно ее ему и стоило бы бояться.

Сказать ей? Нет, она тотчас попытается покинуть остров. А я должен попробовать... Я должен спасти хоть кого-нибудь.

LP.15

Сначала Лара не хотела говорить о себе. Кажется, она считала меня причастным: думала, что я наемник, что я знаю правду, но попросту заговариваю ей зубы. Зубы я ей действительно заговаривал, но ради ее же блага. Если продолжит молчать — от нее ничего не останется.

Сегодня за ужином она наконец открылась. Но все, что она говорила, было не о ней: безцареголовый брат, долгожданный Олежка, ипотека в несданном доме, подруга, которая оказалась и не подругой вовсе... (См. Приложение LP.1988.20xx.) О себе? А что о себе? Ну вот магистратуру хотела окончить, переводчиком стать — не окончила, не стала... Последнее время в груди побаливало, но к врачу сходить постеснялась... Вокалом заняться — тоже. Все времени не было.

Так глупо, сказала Лара, прежде чем расстаться со мной у двери, ведущей в маячную башню. Все, что я рассказала. Я здесь, и ничего этого нет. Даже чем занять себя, не знаю.

Да, сказал я. Глупо.

LP.21

Лара нашла мою лодку. Она налетела на меня, когда я на-

ливал воду в корыта, и мы оба лишь чудом остались сухими. У вас есть лодка, отвезите меня. Куда? Да хоть куда, сил моих нет сидеть и ждать. Не могу. Но почему? Я не могу оставить свой пост, как вы себе это представляете? Да тут же ничего не происходит: ни одного даже самого завалившегося кораблика. Нет, не могу. Но, боже мой, неужели вы не хотите мне помочь? Разве вы не видите, как я страдаю? Мне надо домой, к мужу, к работе... Дело в деньгах, да? Ну хорошо, мы с Олежкой заплатим, как только я вернусь в Энск, переводом, на какую хотите карту. Чему вы улыбаетесь? Не верите? У меня, может, счет в банке! Да, а что? Вы думали, я вам все-все рассказала? Я же не дура.

Эти ее слова про деньги меня почему-то озлили, и я не сдержался: не нужно вам никуда уезжать. Да я скорее составлюсь, чем меня спасут с этого проклятого острова, закричала она. Я устала ждать у моря погоды! Так не ждите, сказал я резче, чем нужно было. Разве мало здесь места?

Она прожгла меня взглядом, потом вдруг скорчила гримасу и плюнула в лицо. Извращенец, крикнула она, убегая.

Много кто болтал и грозился, но так и не решился сделать то же самое: плюнуть мне в лицо. Лара смелее, чем думает.

LP.23

Когда все дела на маяке и по хозяйству закончены, я беру первую попавшуюся книгу и иду на причал. Если книга мне нравится, возвращаю ее на полку. Если нет, топлю ею очаг. То же с пластинками и дисками.

Но это же варварство, сказала Лара, заметив меня как-то за разведением огня. Кто-то старался, создавал, а вы уничтожаете. Не уничтожаю, а даю вторую жизнь. Нельзя уничтожить то, что и так мертво.

Ларе нравится смотреть, как слова в огне расщепляются на буквы, а те через мгновение превращаются в золу. Забавно: всех их завораживает процесс исчезновения, превращения в ничто. Что они ищут в нем? Тайну сотворения, полагаю.

Лара и сама начала читать от скуки, но ее вкусы, увы, оставляют желать лучшего. Мне хотелось бы из уважения к ней сохранить один из тех любовных романов, что ей понравились, но ведь ночи на острове по-прежнему холодны.

LP.27

Я слежу, чтобы Лара хорошо питалась и все время была чем-то занята, лучше всего — физическим трудом. Усталость дает ощущение жизни.

Настоящий рай на земле, сказала Лара, как в рекламе: океан, свежий воздух, еда что пальчики оближешь, библиотека и фильмотека под рукой. И борода у вас прямо-таки эпикурейская, я только сейчас заметила. Я о таком отпуске и не мечтала... Олежку бы для полного счастья! Почему он до сих пор меня не нашел? Потому что не знает, где искать, ответил я, ведь вы не оставили записки. А может, и не хочет. Она взглянула на меня с такой злостью — и одновременно отчаянием, что я смешался. Так бывает. Людям просто приходит-

ся жить дальше. А вас, едко спросила она, вас тоже, судя по всему, никто не ищет. Но, случается, находят, улыбнулся я.

А сами вы кто, насела она, откуда взялись. Почему именно здесь, почему маяк, почему овцы, сад, вино, дурацкая собака? Выведали всю мою подноготную, а сами ни словечка о себе не сказали. Я пожал плечами. Мне жаль вас, вот и весь сказ. И даже мою работу должен кто-то делать.

LP.32

Вы мне что-то подмешиваете, спросила она сердито. С чего вы решили? Я плохо себя чувствую... Не могу вспомнить, какую книгу хотела перевести. Ну что же, это было давно, сказал я. Она нахмурилась. И глаза. Что — глаза? Какого цвета у Олежки глаза.

Вы были на берегу? Входили в воду? Вроде бы нет... Я посадил ее за стол, дал тетрадь и ручку. Пишите. Что писать, не поняла она. Все, что помните. Или нарисуйте. Зачем? Мне просто надо домой, я соскучилась. Нарисуйте мне карту и одолжите лодку. Да как же вы не поймете — если выйдете в океан, то больше не вернетесь. Вы потеряетесь — раз и навсегда.

LP.35

Все началось с того, что Лара заперла меня в подвале, когда я спустился за новым кувшином с вином.

Мне жаль, сказала она из-за двери, но у меня не осталось выбора. Они увидят, что маяк не работает, и пришлют замену, вы сами говорили. И я уплыву на корабле, который до-

ставит вашего сменщика. Не волнуйтесь, я скажу им, что вы здесь, а пока они не приедут, буду кормить и поить, как вы меня. Олежка говорит, я хорошо готовлю. Не делайте этого, Лара, иначе я не смогу вас защитить. Лучше выпустите, пока никто не пострадал.

Единственный, кто здесь страдает, это я, ответила она. И больше со мной не говорила, но ужин, как и обещала, пода-ла. Я попытался воспользоваться моментом и высвободиться, когда она открывала дверь, но в результате поднос упал, тарелки разбились, ужин оказался на ступенях, а Лара перестала меня кормить. Сами виноваты, сказала она. Столько труда — и все зря! Ну ничего, долго голодать не придется. Не придется же?

Я понятия не имел, сколько прошло времени. Я слышал, как скреблась и скулила под дверью Керби, и воображал, что она зовет меня на маяк. Но все, что я мог делать, — это ждать и надеяться, что Лара быстро образумится.

Она не образумилась. Дверь просто распахнулась, и в подвал влетела сначала Керби, потом Лара — с перекошенным от страха лицом, мокрая с головы до пят. Там был человек, сказала она, я пыталась, но... о боже, я ничего не могла сделать.

Перво-наперво я бросился к маяку и зажег лампу. Потом взял лодку и проплыл вглубь от западного берега, где Лара видела человека. Я боялся, что его унесло волной, но я просто опоздал. Когда я уже собирался повернуть, луч мая-

ка вдруг выхватил что-то белое под водой. Рука... Я схватил было ее, но она вдруг вывернулась, блеснула серебристой чешуей и устремилась на дно.

Было темно, сказала Лара, я просто не сразу его заметила. Потому-то и нужен свет, сказал я. Одному Богу теперь известно, сколько мы потеряли.

LP.36

Лара не спустилась к завтраку. Я слышал, как она плачет в своей комнате. Решил, что под впечатлением от вчерашнего, но оказалось другое.

Она не съела ни завтрак, ни обед, которые я оставлял на подносе под дверью. Если вы не откроете, сказал я, стоя с ужином, мне придется выломать дверь, я не допущу, чтобы вы голодали. Но я не хочу есть, всхлипнули оттуда, я хочу домой... А где ваш дом, вы знаете, спросил я. За дверью повисло молчание.

Со мной что-то происходит. Я знаю. Почему вы сразу не сказали? Боялся, что не поверите и сделаете все наоборот, как другие. И где они, эти другие? Их что, много у вас было? Я сбился со счета, признался я, но помню каждого. Что ж за остров такой, сказала Лара, поворачивая ключ в замке.

Она слишком глубоко зашла в воду, пытаясь спасти Безымянного, слишком долго в ней пробыла. Океан успел оставить на ней отметину, обезобразить по плечо ее правую руку — она покрылась белым пухом и выросла в размере, так что Лара волочила ее по земле при ходьбе.

Посмотрите, сказала она, какая я стала уродина. Домой мне теперь путь заказан — не хочу стать звездой треш-пабликов Энска. Вы можете меня вылечить? Нет, сказал я, мне жаль, Лара. Правда жаль. Ну, значит, я остаюсь здесь. Если ваше предложение про жилище и стол еще в силе, конечно.

Боюсь, вы не задержитесь надолго, сказал я.

LP.38

Сначала я следовал инструкции. Зажигал маяк, всматривался во тьму. Они всегда приходят ночью, плывут на свет, хотя никогда этого не помнят. Иногда Керби замечает их первая и подает голос. Я делаю массаж сердца, искусственное дыхание, потому что тело еще ничего не забыло, и устраиваю в гостевой комнате.

На этом мои обязанности заканчиваются. Я мог бы предложить им самим себе, как овец, и лишь в нужный час подвести к краю, как делали все смотрители до меня. Это такая же работа, как у повитухи, которая теряет интерес к младенцу, как только он приходит в этот мир. Забавная параллель, не правда ли? Но я иду дальше. Почему? Быть может, определяя меня сюда, ангел забыл приложить палец к моим губам.

Все время, пока они здесь, я стараюсь сохранить то, что они приносят с собой из-за океана. Я кормлю их вкусной и разнообразной пищей, даю им работу с землей и животными, разрешаю пользоваться любыми вещами, которые они только найдут в доме, гулять по острову — но не подходить к воде. Поначалу они принимают правила игры, хотя и задают

много слишком рациональных вопросов — и почти никогда не удовлетворяются моими ответами. Кое-кто за короткий срок успевает создать настоящие шедевры; я храню их в разных частях дома, и иногда их находят там, за океаном, — в столах, на чердаках, в подвалах, за шкафами, под половицами...

Конечно, они скучают по прежней жизни. Ждут спасения, щиплют себя за руки, иногда объявляют голодовку, думая, что я подмешиваю галлюциногены в пищу, — они весьма изобретательны на объяснения. Но с каждым днем они становятся все более рассеянными и флегматичными. Сидят подолгу в комнате, бродят по лесу, стоят на причале. Теряют аппетит, а с ним — и желание говорить, иногда даже забывают, как держать в руках ручку.

Затем их накрывает агония. Они выделывают что-нибудь этакое — крадут топор, чтобы сделать плот, или берут мою лодку под покровом ночи, или проникают в маяк, чтобы дать отчаянный SOS, или запирают меня в подвале, как Лара, а некоторые даже пытаются убить, вероятно думая, что сразу после этого откроется чудесный портал и вернет их к тому, что осталось за горизонтом. И либо мне удастся взять их под контроль, либо они покидают остров раньше срока, потому что океан зовет их голосами любимых — и говорит громче меня... В любом случае они уже мало похожи на тех, кем были когда-то.

Я снова остаюсь один — но ненадолго. Маяк продолжает

свою работу. Наступает новая ночь — и очередная попытка, очередная работа над ошибками.

Многие не заслуживают такого конца, и Лара, в сущности, тоже. Разве ее жизнь не стоит других? Она многое не успела, многое могла бы успеть, но сам факт ее пребывания на этом свете — разве он не ценен? Ее жизнь, какой бы она ни была, — разве не заслуживает упоминания? Но все — почти все — рано или поздно становятся жертвами океана. Особенно если на том берегу не осталось ничего, за что они могли бы зацепиться, как за спасательный круг.

Но на этом берегу у них остаюсь я. И если бы мне удалось спасти хотя бы одного, прервать порочный круг жизни-забывания... разве не заставил бы я вспомнить о себе?

LP.40

Лара сидит на поросшем фиалками утесе, смотрит на океан. Покрывшаяся перьями рука ее как будто не беспокоит, как и лежащая рядом Керби, которая с той ночи постоянно скулит — кается, что не уберегла. Когда наступает последний день, она тоже не ест, даже не смотрит за овцами. Только заглядывает в глаза уходящему, точно хочет что-то прочесть на дне его зрачков. Она и в мои глаза порой так заглядывает — я воображаю, будто она видит в них мое прошлое и то, кем я мог бы стать, если бы маяку не понадобился новый смотритель.

Олежка, Олежка, Олежка. Своего имени она уже не помнит, а чужое повторяет, точно заевшая пластинка. Я сажусь

рядом и протягиваю тетрадь, в которую несколько дней назад она перенесла свою жизнь. Она смотрит растерянно, моргает. Я зачитываю несколько страниц, и глаза ее расширяются. Ну да, все это обо мне. Ага, точно! Так все и было.

Мы говорим какое-то время как ни в чем не бывало, а потом она вдруг произносит: тяжело мне. Это все рука. Она опускает глаза. Нет, она легкая. А мне тяжело. Особенно когда вы говорите со мной об этом — она показывает на тетрадь. Но если я не стану говорить об этом, то все будет напрасно — все, что вы делали! Она посмотрела на меня — и улыбнулась. Быть может, в этом весь смысл — в том, чтоб отпустить. Вы ведь не знаете, что будет дальше. Ничего не будет, ничего!

Лара вздыхает и хочет встать. Я помогаю ей. Ну и пусть, говорит она. Пусть ничего... Все лучше, чем тащить это на себе, как ломовая лошадь. Кто бы мог подумать, да? Вроде ничего такого не делала, а, видно, и моя жизнь сколько-нибудь весит. Конечно, весит, Лара, только несите ее, несите! Не могу, прошептала она, больше не могу... Он зовет. Зовет меня домой.

И мне ничего не остается. Признание поражения — тоже часть моей работы, как бы мне это ни нравилось. Я отступаю и толкаю ее в спину. Она падает, как подкошенная, и летит вниз, навстречу волнам, — и, прежде чем достигнет их, ее левая рука уподобится правой, а из груди вырвется крик, на

который отзовутся тысячи скорбных птичьих голосов. И то, что было Ларой, взмахнув крыльями, растворится в облаке испугнутых чаек.

Я возвращаюсь на маяк и заново пишу последнюю запись в журнал. Между страниц вкладываю цветок фиалки, который Лара крутила в пальцах во время нашего разговора. Увы, ничего больше она после себя не оставила. Но в тот день, когда Олежка прибудет на остров, маяк снова выхватит ее из темноты — и она впорхнет в гостевую страницами моего журнала.

Светлана ВОЛКОВА

Тощий Якоб

Человек-то мал, а дом его — мир.

Марк Теренций

Я лежу на холодном полу, раскинув руки в стороны, как морская звезда. Влажные каменные квадраты подо мной плотно держат тонкий позвоночник, словно скрипичную деку. Отражаются болью. Пальцы касаются стен, по ним сбегают капли, ломают свою совершенную траекторию о шероховатость плит, покрытых мшистым малахитовым фетром. Ступни упираются в ледяную решетку единственного окна-амбразуры, льющего скупой свет сквозь пелену привычного тумана. Белый день цвета сыворотки.

Это единственное положение, в котором я не вижу моря. Иногда его видеть невыносимо.

Мой дом — маяк. Старый маяк, построенный шведами в эпоху побед и триумфов на вечно мерзлой саамской земле. Высотой в шестьдесят пять футов, каким был при рождении, сегодня он осел в зыбкий прибрежный песок и ледяную воду на добрую осьмушку, разбросал камни фундамента и как-то кряжисто оперся на сваи, будто приготовился к прыжку. Узкий, худющий, торчащий из воды, как прокопченная церковная свечка, с крохотным круговым балконом на самом верху, придающим ему издалека вид одинокого визитера в дорожной шляпе. Морской привратник, нареченный моряками Тощим Якобом.

Когда завывает норд-ост, я хожу вниз и вверх по старой лестнице, жалея, что не могут каменные ступени скрипеть, как дерево. Это придало бы свисту ветра особое изысканное звучание. Когда-то у подножия Тощего Якоба был насыпной мол, и в дрянную погоду пела невесть каким образом прижившаяся северная сосна, ласкаясь к балкам, словно кошка. Брала высокие ноты и ни разу не сфальшивила. Но лет пятнадцать назад голодное море поглотило и мол, и сосну, и тихое ее чистое пение. Нет больше суши, все вокруг — вода. Только с востока рисуется тонюсенькой карандашной черточкой сизая линия берега. Отступает суша, меняется прибрежный ландшафт. Со времен изобретения географических карт не устареет и не обесценится профессия картографа.

Дом мой, исчезающий в ненасытной Балтике Тощий Якоб! Последнее мое мятежное прибежище! Моя постель и мой каменный склеп. Уместно ли сравнить тебя с душой этого серебристо-цинкового залива, с единственной живой материей на многие мили вокруг? Сколько долгих лет ты давал мне спасительный, но не спасающий приют! Смогу ли я когда-либо отблагодарить тебя за мрачное гостеприимство?

Вережат вездесущие тонконогие чайки и ноют желтоклювые гаги с протяжным оттягиванием гласных. Ведут ленивую перебранку бакланы, кружат над шляпой Тощего Якоба, помечая ее перламутровыми мазками. Плачет птичий народ, и

вслушивается в тот плач Тоший Якоб уже почти три века. Ставили его свейские каменщики на заре тревожного времени Северной войны близ ингерманландской прибрежной косы, да не чаяли, что скоро эта зыбкая кромка берега станет русской. За триста суетных лет Тоший Якоб исправно мигал факельным глазом кораблям и со шведским, и с русским флагом, укрывал от бури чухонских и ижорских рыбаков, беглых каторжников, революционных идейных утопистов, снайперов, случайных пришлых людей с колючей серой тайной в глазах. Я среди их числа. Я — тот, кто шагнул на влажный бастионный камень первой ступеньки маяка всего лишь на час, дабы переждать шторм, но поднялся на все семь витков узкой темной лестницы и остался в холодном доме на необозримую вечность.

Иногда я зову свой дом «Тошим Яшкой». По-русски. Он слышит, но делает вид, что не понимает. Но когда я пою русскую песню, я точно знаю: кивает Якоб своей шляпой, покачивает из стороны в сторону, и я чувствую, как вибрируют все перекрытия его больного старого тела со мною внутри. И тогда заброшенный, вычеркнутый из всех чиновничьих ведомостей, забытый маяк кажется мне кораблем, ступающим своей неспешной ковыляющей походкой через пенные волны.

...Кораблем, высадившим меня когда-то на этот пахнущий мхом и плесенью клочок чужой земли, номинально входящей в границы Великого княжества Финляндского и на бу-

магах числящейся землей Русской.

О Русской земле я думаю, когда под завывания ветров и хруст раскалывающегося стеклянного кружева тонкой ледяной бахромы на перилах балкона-шляпы вдруг по-особому громко начинает стучать что-то внутри. Сердце? Тихо покачивается потемневший нательный серебряный крестик, привязанный бечевой к решетке окна-амбразуры на верхней площадке башни. Полоска света чертит на полу вытянутый прямоугольник. Ночью будет новая луна, ночью свет напишет на холодном камне бледно-лимонную долговязую руну, одинокую, как сам Тощий Якоб.

...И такую же одинокую, как я.

Больно глазам всматриваться в сизоватую даль за узким окном. Там, на юго-востоке, спит русский берег. До него невысказанно далеко, и иногда мне кажется, что его вовсе нет. Но колотится в груди от бесконечных искр, высекаемых солнцем, когда оно лениво встает с востока, со своего ночного ало-белого ложа, и до слепоты вглядываюсь я в маленькую светящуюся точку, в далекий от меня восток. И знаю в тот миг — Россия там, под розовым брюшком солнца, умытая и свежая, уже встретила новый день.

Я не могу покинуть маяк. Ни поехать, ни поплыть, ни пробежать по льду к манящему родному берегу. Не отпустит меня Тощий Якоб.

Потому что...

Потому что... я не человек. Был когда-то человеком, с

теплыми ладонями и синей бьющейся жилкой на шее. Имя мое Яков Александрович Асташков. Я — офицер российского Морского ведомства, прошедший с Нахимовым до Синопа, испивший вино сладких побед и неоднократно видевший беззубую пасть смерти в великих сражениях. Дважды был тяжело ранен в Крымской войне, получил из рук самого императора крест Святого Георгия четвертой степени и за заслуги перед Отечеством был направлен на «более спокойную» службу: на парусный линейный корабль Балтийского флота «Лефорт».

Красавец-парусник, вмещавший до девятистот человек, в сражениях более не участвовал, ходил по Балтике от Петербурга до Ревеля и был утешением для списанного по ранению боевого морского офицера. Смерть же кралась за мной, дышала в шею, наблюдала. И в сентябре 1856 года явилась за своим трофеем. На переходе в составе эскадры «Лефорт» попал в жестокий шторм, опрокинулся и затонул в черной морской воде где-то между островами Гогланд и Большой Тютерс, захватив с собой жизни всех, кто находился на борту. Восемьсот двадцать пять человек стали в одночасье рыбьим кормом. Восемьсот двадцать шестым был я.

Смерть с наслаждением играла мной, как мышонком, не забирая сразу, но давая глотнуть немного воздуха наполовину с солоноватой водой, и снова тянула за ноги в ледяную балтийскую глубину. Молитвы, которые я читал, лишь смешили ее. Она меняла балахоны с белых на голубые и красные,

отбрасывала капюшон и снова закутывалась в тряпье, пряча костлявые пальцы в широкие рукава. Окаменевшими руками я пытался прогнать видение, и на самом исходе моего полузабытья явилась мне финская рыбацья лодка. Спасенный — нет, лишь оттянувший зловещий миг, — я лежал на деревянном дне, смотрел на низкое тяжелое небо без единой звезды, вслушивался в непонятную мне речь рыбаков, а смерть баюкала шаткое суденышко, качала ласково, словно люльку, и пела свою тягучую колыбельную. Я никогда не забуду лицо рыбака, соломенно-желтую бороду его, бирюзовые глаза, белый шрам от виска до обветренной губы. Не тебя ли убил я при обороне Севастополя, враг мой? Британец ли ты, француз или белый турок? Бред ли то или явь, померещилось? Такой же шрам видел я перед собою в баталии, близко-близко, бирюзовые глаза горели яростью, чужая веснушчатая рука в ближнем бою занесла надо мной острый клинок. Но смерть моя отвела ту руку. «Не время еще».

И вот сейчас, уже совсем у берега, перевернула лодку одним движением сильной ладони, как монах захлопывает молитвослов — мгновенно и с глухим четким звуком.

«Время».

Неведома мне судьба спасших меня мужчин, но знаю точно — неутешительна она. Когда стихло море, выбросило меня к молу, на котором высился Тощий Якоб, уже тогда оставленный зрителями, списанный, подобно мне, из большой жизни, и показался он волшебной башней, ведущей в небо.

Сутки или двое лежал я без сознания у двери в маяк, и только ветер свистел в его глазницах да побрякивал свисавшей у входа жестянкой с полустертым гербом Великого княжества Финляндского.

Смерть отперла все замки к маяку, погромыхала щеколдой, гостеприимно распахнула дверь и поманила. И невероятную силу вдруг ощутил я, поднялся с камней, выпрямился и шагнул в темное нутро Тощего Якоба, уверенно ступая по скользким каменным ступеням.

Все.

Лестница волшебной башни не привела меня к небу, но оторвала от земли навечно. Теперь я, Яков Александрович, и есть Тощий Якоб. Вечный смотритель. Во мне нет плоти, но есть душа — душа маяка. Я все так же чувствую фантомные боли во всех частях моего исстрадавшегося тела, я могу плакать, и слезы мои смешиваются с талой водой и сырыми струями, текущими по стенам моего последнего дома. Я, Тощий Якоб, смотрю сквозь серебряный крестик на море вдаль, на юго-восток, туда, где должен быть по всем мыслимым и немислимым законам русский берег.

Судьба сыграла со мной еще одну злую шутку: уже почти что век стоит маяк за пределом российской границы.

...Я лежу на сыром полу и считаю до трехсот тысяч...

Море наступает на берег. Вливается во фьорды, по дюйму, по аршину, по малой пяди заглатывает шхеры. Отступает ингерманландская земля, «подбирается». Значит, с проти-

воположной стороны, с юга-востока, отвоевывает у Лужской губы клочки суши русская твердь. Несколько локтей в десятилетие. Через триста тысяч лет, которые я проживу в этих каменных стенах, Тощий Якоб доплывет до России, спешащей ему навстречу. В небе, на глубине ли будем мы с ним в это время, мы дождемся этого сладкого мига.

Последний корабль мой, моя истерзанная душа, мой Тощий Яшка! Веди меня сквозь замерзшие морские гребни на восток, туда, откуда только что выкатился новый день! Один из миллиарда, которые нам с тобой предстоит прожить...

Инна ДЕВЯТЬЯРОВА

Дом с сотнями глаз

1589 год, Гезлев, Крымское ханство

Мухи. Их скверное множество. Надо сказать, что на выцветшем, желтом базаре — главенствуют, малые их голоса постоянно звучат, утверждая собою, что в это недоброе лето, июнь, скудный, ссохшийся месяц, — не стоит надеяться. Все завершилось, и то, что еще остается, в той черствой, зубами прикушенной памяти... надо сказать, это крайне немного. Ветер, нахлынувший с юга с дождем, хищный, пыльный, разбойничий. С ним прискакали татары. Их темные кони взвихрили собой набежавшее утро. Оно, отдаленное крайне, явилось сейчас Васильку. Он, еще пребывая во сне, вдруг услышал тогда, на границе меж солнцем и сном: мерный топот

копыт, рассыпные, как камушки, крики. И, проснувшись, он выбежал прочь из избы. В южный стонущий ветер, что мчался, смеясь, по деревне, играя тугими арканами. С визгом взлетела петля. Василек захлебнулся от крика. Метнулся. Петля настигала, сжимаясь, подобно змее...

— Так и вышло, — сказал Василек, — так я здесь оказался. А ты?

Он смотрел на Ульяна. Ульян — ражий, крепкий, румяный. Словами не скуден, остер волчьим, скорым умом. Какое ему — в рабских путах, на явном невольничьем рынке? Эх, бедный Ульян! Глаз лениво косит на сливовую муху. Что точно монета в пыли — так вальяжна, так слепо касается камня. Ульян поднимает ладонь — и коварная муха взлетает. Ее малая тень, иссякая, уносится в спелое небо. Вот так...

И Ульян говорит Васильку:

— Из-за раны. Меня взяли в бою.

И угрюмо касается взглядом — беспомощной левой руки. Она, зло иссеченная саблей, как будто уже не Ульянова. Он ощущает ее — как обузу. Тугая, ленивая...

— Эх, — продолжает Ульян, — не свезло мне.

На летнем и долгом базаре — тоска. Только мухи и вялое, как ветерок, ожиданье.

Гезлев. Этот город, подобный огню. Израстая, как долгое дерево, в крымской, просоленной почве — он пьет, задыхаясь, высокие, синие воды морские, что вечно текут мимо тощих, пустых берегов, мимо выжженной солнцем, проклятой

земли его.

— Да, — говорит Василек, — не свезло.

И прислушался — к смрадному пению мух. В их жужжании — было литое и липкое, рваное, как безнадежность... но он отчего-то надеялся.

Стоит сказать, что, пока ты живой и твой разум главенствует в теле, — возможно надеяться. Так, измышляя в тот скаредный день, говорил Василек.

И себе, и Ульяну.

1941 год, Евпатория, полуостров Крым

Море Черное — блеклое, зимнее, твердый, колючий декабрь кусается льдинками. Мокрое небо, снег — ветер ведет его наискось. Скользящий, саднящий декабрь, он рвется, как рыба из рук, он гудит обезумевшим ветром. Железные силы зимы. Этой ночью, с едва примороженным сном — Евпатория точно маяк, заколоченный в зимние скалы, огни его, давние, дальние, желто блестят. Как почудилось — острый, наточенный катер идет, словно нож, по высокому, долгому морю, звенит по широким волнам. Вслед за ним — успевает второй. Хищно, слитно.

— Не спать, — говорит Василек и щипает себя за запястье. Ветер ткнет его в спину. Рывком приближается берег. Солено швыряет волной.

Евпатория — мрак, Евпатория — белые, будто слюна, иномирные звезды. Гремящая, жаркая ночь. Под ногами — дощатая пристань, доски звонко скрипят, словно острые, меткие чайки. Как сказал бы Ульянов: «Мы и сами как чайки. А город — как рыба во рту. Постарайся не выронить». Только Ульянов молчалив. А вот море...

Бежать, прижимая к себе автомат. Это море не выдаст, зима — не оставит следов. Эти стертые тьмой коченелые улицы... Желто мерцает луна, точно глаз, любопытный и круглый.

Кошачий, слезящийся глаз.

Василек видит кошку. Черна и глупа. Кошка видит его. А потом — ее тощая тень исчезает. И улицы — прыгнут навстречу.

— Скорее, — торопит Ульянов. — Немцы схватятся быстро. Придется успеть.

...Так и будет в декабрьской, мозглой ночи, когда в рот забивается ветер. Когда — коротко, зло — тарахтит автомат. Когда куцом, неровным огнем занимается пристань... и город уже позади.

Катер грузно поводит боками. Кривится зевком на волне.

— Молодцы, — скупое хвалит Ульянов. — Документы с собой?

Василек торопливо кивает. Он взял документы. Успел. Когда жгли жандармерию. Нужные папки он держит в руках. Они вымокли. Море лизнуло его, как соленый кошачий язык.

Этот твердый, как лед, занемелый декабрь. В нем застрявшим осколком — десант. Сводит зубы от ветра. Декабрь — месяц пороха, соли, огня...

Удаляется берег. И ночь — как железный щелчок автомата. Кратка. От волны до волны.

Катер скользко спешит по воде.

1589 год, Гезлев, Крымское ханство

Полдень, вялые тени. Июнь — белый, как молоко, в небе-

сах изливается солнце. Гезлев — золотой и румяный, смуглеет монетой в руке. Рука, что сжимает монету, — в тяжелых, окладистых перстнях. Сухая, как дерево, в мелких морщинах.

— Вот этот, — решает рука.

Василек поднимается. Стоит сказать, в этот масляный, желтый июнь — даже малой монеты довольно, чтоб споро подрезать судьбу. Этой верткой монеты на долгом невольничьем рынке...

Но вот — загудело, стремглав понеслись голоса. Воздух явно наполнился криками.

«Что ж приключилось?» — так, пребывая в неведении, думал тогда Василек, тем песчаным, змеиным июнем, такие кусачие мысли язвили его. Когда хмурый Гезлев — зазвенел, раскололся фарфоровой чашей. Осыпались наземь осколки.

— Черкасы!

Влетели на рынок. В великом премножестве. Остро играют лукавые сабли, как конские гривы — чубы.

— Черкасы!

И сабли порхают, как птицы. И жметя испуганный рынок.

— Рубай татарву!

— Братцы... — ясно вздыхает Ульянов, — братцы... Руки его в железах. Издосадовав, он прибирает свой голос.

— Вот, — говорит Василек, — а ключи-то хозяйские — вот они!

Мечется рынок. Черкасы нисходят волной. Стоит помнить, что их кошевой атаман, по прозванию Кулага, этим летом, созрелым и буйным, черкасской, заточенной вольницей — разом собрал свое громкое войско.

Подобно ножу, оно срезало турок. Тяжелые их корабли — посадило на дно, и челнами, звенящими, легкими, — двинулось краткой дорогой в Гезлев. Так на Троицын праздник случилось.

...Монета тускнеет в пыли. Ее цвет — медный, словно июньское солнце. Разжалась рука, выпуская. Скребет по песку. А потом — утихает.

— Братцы! — явно кричит Василек. — Принимайте! Мы с вами! Рази татарву!

И рвет в свои руки седую, заблудшую саблю. Хозяин ее, с затвердевшим от страха лицом — мертв, как выцветший камень, и более ею не владеет.

Так, в этот означенный день, и случилось. И стоит запомнить — так споро бывает в Гезлеве, когда прибывают черкасы на юрких и чаячьих лодках.

Вздевая на сабли Гезлев.

1942 год, полуостров Крым, недалеко от Евпатории

Солнце — рыжая ржа сквозь январское, мерзлое небо. Ворчлива волна, переборчива. Катер толкает в бока. Так подтаявшим, скользким рассветом случилось. Так помнил про то Василек — белый берег и черная тень маяка.

...Он — как долгая башня, маяк. Его желтые сны носят чайки в тугих, крепко сомкнутых клювах. Он древнее, чем корни земли, он, подобно звенящему дубу, возрос на камнях раньше, чем поднялись его грозные стены. Седой, точно зимняя буря, косматый маяк.

С рассветом, с ошметками снов — он пришел к Васильку, бледный, дикий, гремющий. С вершины его била синяя молния. Хриплый, сорванный голос его (маяки, надо помнить, болтливы) сказал Васильку, будто три дня назад (обгорелых, покрывшихся коркой) он, тот самый маяк, видел стаю больших катеров. Видел за полночь, как полагается. Грузно ползли в Евпаторию. Черно наткнулись на пристань... а там ждали немцы. Метельно накрыли огнем катера. В ледяной, застоялой воде — красно плавала смерть. А потом...

Василек пробудился. Сон был смертный, соленый. И узкий, как дверь маяка. Василек его помнил. Проснувшись, он хмуρο кусал свой язык и молчал, не решаясь сказать никому, что он видел. Никому из десанта. И даже Ульянову. Хотя ушлый Ульянов, понимая, спросил всех матросов, не видел ли кто из них сон, что он сам потерял прошлой ночью по глупой оплошности. Сон, что ему просигналил маяк. Но никто не признался.

— Это важно, — настойчиво мучил Ульянов, — этот четко очерченный сон. Он о нашем десанте, что три дня назад захватил Евпаторию. Что с ним? Маяк это знал. Он всегда говорил мне, а нынче молчит. Василек не признался. Тот сон

— он сберег краем уха, в том сне загорались огни и холодная, смрадная смерть растекалась по улицам. Там, в Евпатории. Птичье трещал автомат. По словам маяка (а ему стоит верить), всех немцев повыбили. Но...

— *Ненадолго, — дополнил маяк, — потому что пришло подкрепление. Потому что их сделалось пять к одному. Потому что вы зря, дураки, в декабре подпалили дурацкую пристань. Потому что вас ждали и стали готовиться...*

Так объяснил Васильку. А потом замолчал, и тогда сон закончился.

Так это было. И, надо сказать, если б он, Василек, проболтался об этом Ульянову, вот прямо сейчас, в то сигнальное утро, — то было бы хуже. И он, Василек, в это верил. Гаже нет — сразу знать то, что все безнадежно. Что первый десант перемолот, что город под немцем, что все было зря.

Для начала...

— Идем в Евпаторию, — с ходу решает Ульянов. — Дальше — по обстановке.

Вот так. Так случилось.

1589 год, Гезлев, Крымское ханство

Июнь, зрелый, палевый. Стоит сказать, этот вкрадчивый месяц особо любим — воровскими черкасами, чьи камышовые челны, случается, ткут по зеленой воде, полуслышные. Мягко подходят к Гезлеву. И вот — беспокойствие, всполошность сабель. Вскипает Гезлев. Крики красно несутся по

улицам. Так, в долгий полдень, и вышло.

Но — ветер и соль — удержали татары. Тем острым иуном их твердый калга (по каленому имени Фети-Гирей), избравшись на заячьих трусов, пресек убежавших и верно повел на черкасов.

А черкасы же, тяжелой добычей груженные, сделались крайне медлительны. Сытые их голоса утихали в Гезлеве.

Итак, ободрившись, напали татары. А, надо сказать, атаман достолавный черкасов, по прозванию Кулага, собравши с собой храбрецов, был уже на исходе Гезлева, на старой, истоптанной пристани.

Там и случилось.

— Собака! — вскричал тогда черный калга. — Изгубитель! Сейчас обернись, чтобы я мог тебя поразить невозбранно!

Услышавши то, обернулся Кулага. Смеясь, показал свои крепкие зубы. Сказал он калге:

— Чем же мне угрожаешь? Тебя не боюсь.

И зачали они изнурительный свой поединок. И прочие бились черкасы, но их было мало.

— В подмогу! — воскликнул Ульянов.

Тем соленым иуном — они оказались на пристани. Он, Василек, и с десятков невольников. Рабские их железа были сняты. И так, сознавая себя на свободе, примкнули к черкасам и с теми совместно решились идти из Гезлева.

Того и не вышло.

Ударил калга своей хитрой, прирученной саблей — и враз ослабел атаман, раскровавило грудь его наискось, темно стекала руда. Пошатнулся. Очами повел, а вокруг — обступают татары.

И сказал атаман:

— Вот, не быть мне живому, а вы уж бегите.

И наземь свалился.

Бежали черкасы. Татары же, в злом нетерпении, тотчас снарядили погоню.

Вот так все случилось. Зеленым и хищным июнем, когда травы копят свои одичалые соки, а небо — как синий платок.

...Кто сумел — те, к челнам отступивши, уплыли. А прочих — теснили татары. Великое множество их.

И сказал Василек:

— Знаю, как нам бежать. Есть село тут, к нему прилагаются лодки. Пойдем же скорее в село.

Так ушли, покидая Гезлев, он с Ульяновом — и прочие.

1942 год, полуостров Крым, Евпатория

Город растет на костях. Эти белые хрупкие кости — в соленой и твердой земле, и истлели, и сделались пищей для города. Некогда он был — Гезлев, город чуждый и черный, имел толстобокые стены и рынок продажи невольников. Имя — как хлебная корка, застрянет во рту. Означало оно, если помнить татарский, «дом с сотнями глаз». Оттого, что сигналы костров — помогали пройти кораблям, не ударившись

в скалы. Орлино сверкали в ночи.

Вот, ночью тяжелой и древней, когда новый, звонкий, железный тот город опять становился Гезлевым, татарским, глухим, деревянным, — и было. Сквозь нудный, рассеянный дождь — шли, устремляясь к нему, к Евпатории. Гулко стучали шаги. Впереди шел Ульян. Насторожен. К груди — автомат. Каждый куст — как противник.

Маяк за спиной. Точно вечное древо. Кто пылью рассеял его семена? Отчего маяки прорастают у моря? Кто знает, где мудрые корни того маяка, что собой оплетают и берег, и теплые стены домов, и прибрежные сны?

Василек обернулся. В дожде, неизменный — он темно смотрел в вышину, этот самый маяк. Как когда-то смотрел на Гезлев... нет, не он, а его еще свежая тень непостроенной башни.

Так было.

...Дождь скупой имел в себе черный, ночной, кислый привкус огня и холодного, злого железа. Их было с полсотни — немецких машин, насчитал Василек. И солдаты на каждом углу. Одного из них, с четкой немецкою стрижкой, поймав, допросили. Он, крайне всего испугавшись, сказал то, что ранее выдал маяк в перевернутом сне Василька. Что зеленый, поспешный десант уничтожен. Что всех, кто пытался укрыться, нашли и утыкали пулями. Что вас тоже найдут... так сказал, не скрывая злорадства улыбкой.

Ульян пристрелил его лично.

Так было.

— За нами придут, — говорил он, Ульян, беспокойно шныряя глазами. — Подберут на подлодке. Не слушайте — мертвых и глупых...

Но мертвые много умней, чем живые. Как новой, раскидистой ночью сказал, заплетая в косички свои неизменные сны, старый, хитрый маяк: отличай день от ночи, врага от соратника, твердь от воды. И когда море явно дрожит в лихорадке, и бредит волной, и штормит — ждать подмоги не стоит.

Вот так.

1589 год, где-то недалеко от Гезлева

То случилось — кудрявым июнем, когда сон неотличен от яви, огонь от воды, враг от друга. Когда — темно, страшно — вскипает волна, бьет в прибрежные скалы. Черный шторм постигает Гезлев.

В тот означенный час, в старом, каменном, хмуром селе — и случилось.

— Татары! — закричал Василек.

Пыльной белой дорогой, под низкими тучами, вскачь — догоняли татары. Свирепые их голоса разносились по ветру. Оказавшись вблизи, обступили, смеясь, как и должно, когда сотвориться худому.

— Бросайте свои никудышные сабли! — воскликнул один из них, чей ярый, бешеный конь приближался к Ульяну. —

Нам должно вернуть вас на рынок. Рабы...

Стоит помнить, что тот обладает простым, медным правом назваться свободным, кто держит оружие. Как то: саблю, рушницу, топор. И способен к защите. Рабам же такое неуместно.

И вот — усмехнулся Ульян, поглядев на татарина.

— Где ж ты рабов наблюдаешь? — спросил. — Здесь их нету.

И взял поудобнее саблю.

Так было.

А в небе — вдруг сделалось ясно. Просвет между туч, и в гудящем просвете — едва разглядел Василек, будто башня жестокая, долгая — ввысь прорастает сквозь тьму. И томит, и клокочет волна, омывая каленую башню, и стены той башни крепки. А потом — словно ветер ужалил за щеки. Словно гладкая чайка, крича, зацепила крылом. Дверь в той башне открылась. Шагнул Василек в эту дверь, как приваженный.

И там, за спиною его, — остро, страшно кричали татары, и жарко стекала руда, и смерть поводила очами, как птица. Но вот — с бледным привкусом соли — волна перед ним, Васильком. Он — в воде, он плывет по соленому морю, туда, где на чаячых, легких челнах убегают черкасы, где солнце печет до костей, где июньским, обветренным днем — исполняется странное.

Стоит ли знать, отчего?..

1942 год, полуостров Крым, недалеко от Евпатории

Так будет, когда разыграется море. Когда — бело, хищно — вскипает волна, тени чаек дрожат на весу. То случается в полуночь, когда рыже вздыхает маяк, и лучи его — точно обратное солнце.

Горят, выскребая собой темноту.

— Немцы! — крикнул Ульянов.

Шли в густой черноте, под дождем, огибая маяк, точно дикую башню. Шаги остывали вблизи.

— Рус, сдавайся! — сказал тот, что шел впереди, аккуратно примеряясь глазами. — Бросай автомат!

Василек усмехнулся:

— Ага. Вот прям сразу и бросили.

Темно защелкали выстрелы. Ночь начинала отсчет. И тотчас — красно вспыхнул маяк, отражение его, утонувшее в море, качнулось.

— Дверь! — крикнул Ульянов. — Отступаем! Вперед, к маяку!

Так и будет, в соленую, краткую ночь, под бельмастой луной, когда сны ловят долгою сетью, и в каждом из них — прорастает маяк, ждет, гривастый и страшный, и двери его широки.

И вошел Василек, и увидел...

...острых птиц с изумленными крыльями.

...рыб с мерцающим брюхом.

...олений, чьи злые рога разветвлялись, подобно изыскан-

ным сплетням.

То было в дупле маяка.

Дверь захлопнулась. Он был один.

Там, за дверью, стремглав верещал автомат, и, как град, застучали гранаты, и резво качнулся маяк...

А потом — все утихло. Жемчужно вскипела волна. И в густой, точно суп, черноте — возносился сияющий парус. Бледный, тихий корабль скользил по воде. Челн неслышный, пустой, камышовый. Или — темная, как поплавок, озорная подлодка. Или — катер, со строгим, как будто остриженным бортом.

Ночь раскинула карты. Шипя, настигала волна. Василек плыл по горло в воде, удаляясь от берега. Вплавь приближаясь к тому кораблю. По проторенной лунной дорожке. Во сне, что однажды, четыре столетия спустя, снова снится тому маяку, чьи соленые корни простились от смуглого юга до куцего, тощей скалой оголенного севера. Там, где стоят маяки.

И стоять будут вечно.

Советский десант под руководством **Ульяна Латышева** высадился в оккупированной немцами Евпатории в декабре 1941 года. Это была разведка боем, в ходе которой были захвачены важные документы из жандармерии, а также освобождены военнопленные и заодно — сожжена город-

ская пристань. Через месяц в Евпаторию был высажен новый десант, численностью семьсот сорок человек, что смог выжить немцев из города и трое суток удерживал город. После чего 8 января 1942 года — в район Евпаторийского маяка с подлодки были высажены разведчики под руководством Ульяна Латышева, чтобы узнать о судьбе направленного в Евпаторию десанта. Разведчиками были получены сведения о том, что десантники уничтожены немцами, за исключением тех, кто оказался в плену. Подводная лодка, что должна была забрать разведгруппу Латышева, не смогла это сделать из-за сильного шторма. Разведчики были обнаружены немцами в ночь на 14 января 1942 года. У маяка Латышев и его товарищи приняли последний бой, подорвавшись на собственных гранатах, когда патроны закончились. Из всей разведгруппы в живых остался только краснофлотец Василек — он смог уплыть морем, и его подобрал катер.

Евпаторийский маяк — крымский маяк в поселке Заозерное, вблизи Евпатории.

Гезлев — город Крымского ханства, в переводе с татарского название означает «дом с сотнями глаз». Одна из версий, объясняющих это название, гласит, что город был назван так из-за множества сигнальных навигационных огней, помогавших кораблям ориентироваться в море. Гезлев был построен татарами в конце пятнадцатого века, но поселения на его территории существовали еще с античных времен. Возле пристани в Гезлеве был невольничий рынок. Работор-

говля составляла главную статью городского дохода. После присоединения Крыма к России в 1783 году Гезлев получил новое имя — Евпатория.

Захар Кулага — кошевой атаман Запорожской Сечи. Летом 1589 года отряд казаков, численностью около полутора тысяч, на лодках-чайках подплыл к Гезлеву и напал на город, освободив пленных и рабов. Но во время уличных боев Кулага потерял контроль над отрядом, а разрозненные казачьи ватаги своих действий не координировали, чем воспользовался комендант города Фети-Гирей. Он смог организовать успешную оборону и отбросить казаков. Захар Кулага был убит, как и те казаки, что, нагруженные добычей, не успели уплыть с пристани Гезлева.

Черкасы — одно из исторических названий запорожских казаков.

Руда — древнерусское название крови.

Калга — титул второго по значимости после хана лица в иерархии Крымского ханства.

Рушница — огнестрельное ручное оружие XV—XVI веков.

Йохевед ДАБАКАРОВА

Бортовой журнал

День первый, запись первая. 20:43

Павел Юрьевич посоветовал мне вести дневник и вносить

в него все, что не попадает в официальные отчеты. И я решил, что это будет как минимум забавно, — к тому же я крайне уважаю его как научного наставника. Таких экспедиций, как эта, у него за плечами уже больше двух десятков, так что не воспользоваться советом было бы по меньшей мере глупо.

Меня зовут Игорь Сергеевич Перфильев, и это мой бортовой журнал. В детстве мне казалось, что их ведут только пираты... но, наверное, я просто слишком часто перечитывал «Остров сокровищ». Морские экологи их тоже ведут. Будем считать так.

Корабль, на котором я нахожусь, называется «Венера». Утром в день отплытия я слышал, как один из матросов называл его «Мухоловкой». Приятно знать, что здесь есть люди с чувством юмора и базовыми познаниями в ботанике.

Мы отплыли вчера днем, чуть меньше суток назад. Должен сказать, это довольно непривычная для меня обстановка: я теоретик, и это моя первая официальная командировка (официальная — потому что вряд ли выезд студенческих активистов к Черному морю можно назвать рабочей поездкой). «Венера» и ее экипаж меня поражают. Они все — достойные люди, привыкшие к физическому труду. Я это бесконечно уважаю.

Мне сказали, миссия «Венеры» в том, чтобы изучать морских млекопитающих. В Чукотском море (по которому протекает большая часть нашего маршрута) обитает популяция

китов, с которой я очень хотел бы познакомиться... хотя, к сожалению, я здесь не для этого. Буду собирать образцы воды. Часть исследований смогу провести прямо здесь, у меня есть портативное оборудование, а остальное заберу с собой и через три недели отправлю в лабораторию.

Прямо сейчас из иллюминатора в моей каюте видно прибрежную полосу и маяк. Затрудняюсь сказать, какой именно: береговая линия Чукотки длится три тысячи километров, маяков здесь бесчисленное множество. Мне всегда казалось, что маяки все еще продолжают освещаться вручную, но этот только мигает электрическим зеленым раз в десять или пятнадцать секунд.

Сегодня был тяжелый, плодотворный день.

Конец первой записи.

День второй, запись вторая. 20:26

«Венера» не выглядит как круизный лайнер. Думаю, ее очарование не в красоте, а в практичности. В моей голове она похожа на крестьянку с грубыми ладонями — румяную и уставшую, но с решимостью в глазах.

Сегодня мы все утро крепили вещи к палубе. Я по большей части следил за барометром, но пришлось и помочь таскать коробки. Мне сказали, там какое-то важное оборудование в вакуумных упаковках. Хотелось разобраться, что именно это такое, но я побоялся отвлекать экипаж.

К слову, вещи мы крепили, потому что приближается

шторм. Так сказал капитан, очень приятный мужчина; я бы хотел так выглядеть к его годам. Единственное, что меня смущает: барометр молчал весь день и молчит до сих пор. Один из матросов объяснил их поведение «моряцким чутьем». Он сказал, что облака движутся слишком быстро для такой спокойной погоды.

Честно говоря, мне показалось, что скорость у них довольно обычная. Мне еще многому предстоит научиться.

День третий, запись третья. 18:22

Вчера ночью я слышал толчки — море было беспокойным, экипаж оказался прав. Меня заранее попросили сохранять спокойствие и не выходить ночью на палубу. К своему стыду, признаюсь: я несколько раз перечитал инструкцию к спасательному жилету, прежде чем наконец уснул. Моя учебная практика прошла в лаборатории, в тепличных условиях. До сих пор какой-то части меня казалось, что бури в море бывают только в кино.

А сегодня был штиль.

Я проспал до позднего утра, а как только вышел на палубу, мне вручили нож и посадили чистить картошку. Я рад этому посвящению в корабельный быт. Может, они даже начнут считать меня своим.

День пятый, запись четвертая. 10:51

Думаю, Павел Юрьевич не зря посоветовал мне сюда приехать. У меня было много сложностей в последние месяцы... скажем так, они дались мне тяжело. И после всего этого... в общем, это путешествие во всех смыслах стало для меня глотком воздуха.

Сегодня я рано встал и очень долго просто смотрел на море. Вода здесь холодная в любое время года, а когда волны разбиваются о борт, ледяная крошка окутывает тебя со всех

сторон. Я промок и замерз уже через десять минут, но так и не ушел с палубы.

На настоящий момент мы изучили только два процента Мирового океана. А обозримого космоса — пять. Это каждый раз ввергает меня в ступор. Почему люди в какой-то момент решили, что вещи, даже не находящиеся на их планете, им интереснее, чем удивительные явления, творящиеся прямо у них под носом?

Сколько останков доисторических животных лежит на дне? Сколько затонувших кораблей, древних цивилизаций и биологических видов, о существовании которых мы не имеем ни малейшего понятия? Насколько много мы не знаем о нас самих — просто потому, что смотрим не в ту сторону?

Я не романтик, никогда им не был. Но я люблю факты, и они говорят за меня. Морские волны могут достигать сорока метров в высоту. Сердце голубого кита по размеру схоже с автомобилем. Под Азией есть целый подземный океан, и самый длинный горный хребет в мире находится под водой. Моря и океаны покрывают Землю на семьдесят один процент и содержат девяносто девять процентов ее водных запасов. Глубоководные рыбы никогда не видели солнечного света — но они светятся сами, чтобы выживать.

Я выбрал эту сферу не ради денег или славы — ни того ни другого в науке почти не найти, — а ради океана. У моей жизни есть цель и есть смысл.

Чувствую себя частью большего.

Мы не главные на Земле. Мы не венец творения. Если воды на этой планете настолько больше, чем суши, не побеждают ли нас ее обитатели даже в плане элементарной эволюции?

Сегодня я долго думал, что будет, если «Венера» затонет.

Ничего. Она станет одним из миллионов кораблей, которым не повезло не вернуться в гавань.

А здесь ничего не изменится.

И все так же будут волны.

День шестой, запись пятая. 12:51

С самого утра я чувствую толчки. Меня мутит, болит голова. Ближе к восьми ко мне постучался один из матросов: сказал, что море беспокойно и лучше не выходить. Принес еду. Пюре и тушенку.

Я пробую методики заземления, как меня учил психиатр. Заметка на будущее: способы борьбы с навязчивыми мыслями плохо помогают против морской болезни. Сегодня не лучший мой день за последнее время.

Мне казалось, что я начинаю справляться, но снова чувствую зуд.

Это когда-нибудь закончится?

День девятый, запись шестая. 19:42

Я вышел наружу к ужину — несколько матросов драили палубу. Все было ржаво-грязным, и пахло железом — на мой

вопрос об этом один из них ответил, что старую рею окончательно размыло соленой водой. Пришлось заменить ее на новую.

Меня сильно беспокоил наш ужин: корабельный повар подал мясо, но оно странно пахло. Мне сказали, что это говядина с ламинарией в составе маринада. Может, чукотские коровы отличаются от обычных?

На «Венере» больше палуб, чем мне казалось, — две из них уходят под воду. На нижней живет большая часть экипажа, но я не знаю, что происходит на оставшейся.

Было бы здорово, если бы мне провели экскурсию.

День четырнадцатый, запись седьмая. 21:34

Утром я чуть не выпал в море — голова закружилась, а оно на мгновение показалось надежнее «Венеры». Я видел китов. Далеко, но я их видел.

Меня довели до каюты и выдали пару таблеток от тошноты, хотя ее я не чувствовал. Я просто потерял ориентацию в пространстве. Мне захотелось в воду.

Они сказали писать свои отчеты, или чем я там занимаюсь. Я? Ничем. Всю жизнь ничем не занимаюсь. То, что плавает в колбах — это сувениры, а не работа.

Ближе к обеду у меня начался озноб, и я провалился в кровати почти семь часов. Температура поднялась и никак не спадала, мне мерещились киты и косатки. Казалось, что я крошечный планктон, которого бесконечно долго несет те-

чением.

А потом я слышал, как киты кричат.

От этого я проснулся. Было тихо. Температурные сны пугают меня гораздо больше глубины.

День пятнадцатый, запись восьмая. 04:24

Я не спал всю ночь; пытался, но не получилось. Вышел из каюты — мимо прошло несколько человек, но они даже не обратили на меня внимания. Я пытался заговорить с одним из них — он сказал, что они торопятся, а куда и почему, мне так и не объяснили.

Они меня избегают. Даже капитан и тот парень, который принес мне еду.

Зачем я здесь на самом деле?

Я уже два дня не пил свои таблетки — только сейчас это понял. Сразу же вернулся в каюту, попытался их найти, но так и не нашел.

Когда-то я изучал физику. Если сейчас пробить брешь в стене в двадцати сантиметрах от моей головы, давление выстрелит струей воды такой силы, что я потеряю сознание. Это быстрая смерть? Или все-таки нет?

День девятнадцатый, запись девятая. 03:44

Они попросили меня молчать и не нервничать, но я не могу. Не смог бы ни за что в жизни. Они просто не могут от меня этого требовать.

Я не должен был туда попасть.

Почему меня сюда определили? Павел Юрьевич об этом знал? Он тоже здесь был? Он это тоже видел?

Я единственный, кто в этом не участвовал. Я пытался забыть об этом, но не могу. Мы предали все, что должны были защищать. Мы забыли, зачем мы здесь. Если такое все еще происходит, в этом мире просто не осталось смысла.

Хотел бы я перестать об этом думать, но не могу. Я не сплю третью ночь подряд. Я слишком поздно это понял.

Здесь никогда не было ржавчины.

Капитан принес мне какие-то деньги, сказал, что они им не нужны. Кажется, это была моя плата за каюту — мне она нужна еще меньше. Они не смогут от меня откупиться.

Я знаю, где котельная.

Мы просто не главные на этой Земле.

Фрагмент диктофонной записи 355. 6 октября, 18:14

...под утро мы получили SOS с северо-востока, поплыли сразу туда, думали, можем еще успеть... Но было очень далеко. Когда мы добрались, там канистры были везде и другой всякий пластик — честно, я в море уже десятый год, но еще никогда в жизни не видел, как корабль тонет. Сейчас лодки как-то прочнее делают, что ли, раньше это чаще бывало...

Выживший был один, парнишка такой щупленький, слепой как крот — очки смыло, а он держался за спасательный жилет, как котенок: схватиться, видать, успел, а нацепить

уже не нацепил. Он был вообще не в себе, бормотал что-то странное — мы его и чаем поили, и кормить пытались, нет — ни в какую. Борзый сказал, у него шок. Надо к врачу. Плы-
дем сейчас на маяк, у них там все схвачено, хорошие там ре-
бята сидят...

А парень только заснул — вымотался, бедолага. Мы как поняли, он ученый — поди пойми, зачем его с собой взяли. Я про тот корабль слышал, это ж «Мухоловка» затонула. Жаль ее до смерти, вода им всем пухом. Никого оттуда лично не знал, Бог миловал, но коллеги же все-таки, получается.

...Парнишка... Парнишка пусть спит. Он нам все рассказывал, как на «Мухоловке» китов убивали. Так это ж ничего удивительного, у нас же квота, все по закону.

Его, видать, не предупредил никто, а он и это...

Мы его тоже не стали пока мучить. Пусть спит. Семеныч как раз засек кита. Лишь бы снова не больного.

Марина КУЛАКОВА

Катя идет на Маяк

Что это маячит сине-красным пятном на скалистой тропе?

Маленькая девочка в джинсовых шортах, держа в руках красную майку, взбирается на гору. Дойдя до вершины, поднимает свое полотнище, свою футболку высоко над головой. Поднимает, как флаг. Он развевается на ветру. Перед ней, а

точнее, под ней — синее море. Она идет на Маяк, и полпути пройдено, она на вершине горы!

Кате шесть лет. Это не меньше, чем шесть сотен или тысяч. Многие тысячи лет укладываются в первые шесть.

Катя идет на Маяк. Она идет по узкой скалистой тропе уверенно и неустанно, словно ее тянет магнитом к тому, невидимому еще, месту, где за белыми от зноя феодосийскими холмами, склонами, скалами должен быть Маяк. Она чувствует, что где-то здесь, совсем рядом...

Ну вот, наконец-то...

Она присела на камень, с которого стали видны очертания Маяка, похожего на храм, готовый взлететь. Золотисто поблескивает купол с тонким шпилем-антенной. Но чего-то все-таки не хватает... Чего же?

Снизу по тропинке к ней неспешно приближается мальчик лет двенадцати, похожий на юного Тибула, держа в руках планшет с яркими магнитами.

— Выбирай.

Окинув взглядом несколько рядов пестрых картинок, Катя уверенно выбирает единственный маленький ноктюрн, где на ночном небе сияют звезды, и силуэт Маяка вдали, на краю земли, простирает мощные световые крылья над всей планетой.

Мальчик чуть заметно улыбается. Он будущий смотритель из династии хранителей Маяка. Магниты с Маяком рисуют и его брат Нил, и мама. Но то, что выбрала Катя —

именно его работа. Она увидела его мир, его космос... Он ведет ее дальше. Чтобы ближе подойти к Маяку, он проводит ее по тропе сквозь заросли красной и желтой алычи, ягоды которой невероятно сладкие... На них шипы, они цепляются, царапают ей щеки и ноги. Она не замечает этих терний, но следы их, легкие росчерки, остаются.

Маяк перед ней. Она всматривается в очертания белокаменной ракеты с полукруглыми окнами первого яруса, с решетками и шпилем второго... Маяк — перекресток земли и звезд. Свидетельство их родства.

Катю переполняет чувство узнавания — ей, кажется, давным-давно знаком этот берег моря, этот Маяк и его люди, выходящие ей навстречу... Сначала — будущий смотритель, которого зовут Максим. Его светлоголовый брат Нил, что хочет стать художником. Их мама, заслуженный мастер спорта по скалолазанию. Их отец Леонид, смотритель Маяка, с лучезарными глазами и такой же улыбкой. И наконец, бабушка, — основательница династии смотрителей Маяка. У бабушки снежно-белые волосы. И сильные молодые ярко-голубые глаза. Ее зовут Любовь.

Похоже на сказку... Точнее, на притчу о том, как девочка пошла на Маяк и встретила там братьев по разуму и духу, а также прародительницу их всех — Любовь.

Реальность иногда ничем не отличается от фантастики. Да, это просто рассказ о том, как Катя пошла на Маяк. И все имена, и совпадения — не случайны.

Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ

Белая сова

У Валерки в неполные семь лет уже были обязанности.

Требовалось с утра пойти к берегу океана и притащить кусок выпиленного льда. Лед, а точнее вода из него, был необходим для нужд хозяйственных. Для питья следовало растопить снег. А еще нужно было принести дров для большой, прожорливой печи. Печь трудно растапливалась — изрядно дымила из всех щелей, но, прогревшись, начинала гудеть, выбрасывая тепло в стылое небо Арктики. Но все же, раздухарившись, бралась греть и дом изнутри, и скоро начинали «плакать» заросшие льдом оконца и сочиться вода по наледи в углах промерзшего насквозь домишки.

Когда Валерка впервые решил сам разжигать печь, то испытал при этом потрясение: скомканная и уложенная под наструганную лучину плотная оберточная бумага вдруг словно ожила, разгораясь: взялась шевелить, раздвигать наложенные на нее щепки. Валерка с испугом закрыл дверцу,

а когда решился вновь ее открыть, погасшая бумага «дыхнула» ему в лицо дымом и сажей.

«Во драконище!» — подивился Валерка и впредь с печкой был сдержанно аккуратен.

Дом, в котором жил «дракон», стоял на острове Муост-ах, в море Лаптевых, в сорока пяти километрах от далекого порта страны Тикси.

На острове с выдающимся в море скалистым мысом выси-лась башня маяка, как продолжение скалы. Когда маяк пульсировал сигнальным огнем, в полутьме полярной ночи или в тумане его огонь, словно глаз неведомого демона-чудища, был неотразим, и казалось, передает ритмы сердца огромно-го хвостатого хищника, чей нос уткнулся в океан, а хвост тянулся на долгие сотни метров, извиваясь островерхим хреб-том среди кипящих волн.

Маяк был крайне важен. Его сигналы служили единствен-ным ориентиром для судов в проливе. Погода в этих местах была постоянно непростой — туманы клубились в заливе практически всю навигацию, а скрытые под водой скалы в проливе между материком и островами делали путь кораб-лей опасным до крайности, в особенности в период ледоста-ва.

Мир, в котором оказался Валерка, был необыкновенным, практически сказочным, но суровым до крайности, и эта реальность наряду с восхищением наполняла сердце волнующей тревогой.

За работу маяка отвечали мама и отчим. Они же поддерживали связь по рации с центром, оповещая о погоде, ветре и температуре в данной точке маршрута больших судов. На сигнальном маяке из-за полярной ночи следовало проводить много времени, не считаясь ни с чем, и Валерка оставался подолгу один.

В сумерках полярной ночи, растопив печь, Валерка любил сидеть у раскрытой печи и смотреть на огонь. Когда пульсирующий огонь маяка вламывался в окно и брался расклевывать темноту, становилось необыкновенно волнительно, и казалось, что из-за печи сейчас выйдут таинственные обитатели северного, очарованного холодом мира.

На безымянном острове проживала семья из трех человек: Валера, его мама Елена и Павел Данилович, которого мальчик так и не приучился называть папой и страшно смущался, когда тот настойчиво требовал: «Зови меня отцом, мы же семья!».

Не выходило у Валерки звать отчима отцом, хотя своего родного он толком не знал. Только смутный образ высокого человека в строгом костюме остался в памяти.

Обязанности для семилетнего мальчика в зимнее время

были вполне подходящие, хотя и непростые. Валера справлялся с ними, несмотря на мороз, резкий штормовой ветер и то и дело разгулявшуюся пургу.

Тем не менее исполнение дел, возложенных на Валерку, было серьезно осложнено еще одним обстоятельством. К маяку, влекомая его импульсами, стала наведываться белая сова, а иначе — сова полярная, что сидела, укутанная туманом, где-то в заснеженных складках прибрежных утесов.

— На гнезде, видимо, сидит в скалах, — говорил отчим, — а сюда кормиться прилетает.

Полярная сова — красивая большая птица, но с некоторых пор взявшаяся охотиться за Валеркой. Сова упрямо решила утащить укутанного в тощее пальтишко и меховую заячью шапку мальчика как добычу, в эту суровую, даже по меркам Севера, зиму.

Мама, сопоставляя результаты наблюдений за последние пять лет, горько отметила, что эта зима 1943 года — самая холодная. Пять лет! Казалось бы, срок немалый, но вот так вышло, что уже скоро год, как семья оказалась на этом острове, вокруг которого простирался до самого полюса океан.

Летом на острове было прохладно, дождливо и ветрено. В скалах поблизости от дома гнездились перелетные птицы — шумели неистово, галдели голося и что-то непрерывно делили между собой, утихая ненадолго, когда солнце подвисало над горизонтом в нижней точке полярного дня.

— Одно слово — базар, — отметил отчим и направился

к скале, но очень скоро вернулся растерянный и весь перепачканный птичьим пометом.

— Только подхожу к скале и вдруг слышу — затихли птицы — такая тишь. И тут же взялись атаковать — едва убеги, — рассказывал, подсмеиваясь над собой, Павел Данилович.

— Суровый край, даже птицы здесь злые как собаки, — вздохнула мама.

Зимой замерзало все, кроме живой плоти, и только снежное поле, укрытая льдом вода и дальние торосы простирались вокруг скованного на время зимы пространства. Где-то там, среди торосов, ходили белые медведи. Те, кто отправил семью с ребенком отбывать срок на острове, заверяли, что зверье к маяку не подходит, но было тревожно.

Для обороны от совы отчим изготовил для Валерки остроконечную палку с пикой из толстой проволоки. Теперь, закинув за плечо свое оружие, подобно ружью, мальчик ходил по делам, но сова умела атаковать мальчишку совершенно неожиданно, и применить пику пока не удавалось. Зависнув неслышно над снежной поляной, птица, плавно и беззвучно планируя, вдруг оказывалась над ребенком и сразу пыталась ударить выставленными вперед когтями или нанести разящий выпад хищным клювом. После мгновенной атаки сова улетала и растворялась на фоне снежного покрова.

Однажды, когда мальчик тащил вверх от берега к дому ледяной прямоугольник за веревку, сова подкралась и зависла парашютом на своих невероятно больших крыльях над Ва-

леркой, но, вместо того чтобы напасть, вдруг пустила в мальчишку струю, и серая жидкая масса тут же застыла на пальто.

— Это, брат, она тебя пометила, — резюмировал отчим, выслушав рассказ испуганного Валерки, и осмотрел метку, от которой даже после стирки на пальто осталось выцветшее, словно прожженное пятно.

— Кислотой, что ли, какает, — подивилась мама, оттирая следы нанесенной совой метки.

— Берегись, Валерка, сова не на шутку за тебя взялась, — продолжил отчим. — Давай я заряджу ружье и поставлю вот здесь, в сенцах.

— Ты чего? Ружье выше Валерки чуть ли не вдвое, как он с ним справится... И если нападет, как он за ружьем-то побежит? — взялась вразумлять отчима мама.

— Да, странная выходит история с ружьем, — подвел итог дискуссии отчим, но ружье поставил в сенях, у самой двери, рядом с веником, которым обметали обувь от снега. Было заметно, что поведение злого демона здешних мест обеспокоило и отчима.

Здесь, на острове, семья Валерки оказалась после ссылки всей семьи перед самой войной.

Путь на восток занял время до самых морозов. Долго ютились на подселении в пригороде Иркутска, а следующим летом ссыльных отправили в путь уже по реке Лене на барже, направляемой буксиром с нещадно чадящим мотором. На барже, как ее называли — брандвахте, было холодно и го-

лодно, но мальчишки, собравшиеся на палубе — единственном месте, где можно было побегать, не унывали: играли в прятки, затевали новые игры и порой так шумели и бегали, что взрослые едва могли их уговорить.

Так вот и вышло, что Валерка рос в последнее время в дороге под конвоем — то в поезде, то на подселении в пригородной деревне, то на брандвахте, плывшей на север долгие два месяца. Теперь вот приходилось спешно взрослеть мальчишке здесь, на острове, под присмотром белой совы.

Раскинувшаяся среди воды земля, по прибытии ссыльных на катере, встретила новых своих жильцов неприветливо. Накрапывал дождь, и тучи, тяжелые от воды, казалось, лежали на острове, слегка переваливаясь, и клубясь. Но движение воздушных масс никак не меняло положения тучи, и она, зацепившись за скалу, не сдвигалась, не желала открыть прибывшим чистое небо над побережьем.

В доме расположились быстро, натопили печь, и весь вечер по прибытии сидели вместе у запыленного, давно не мытого окна и смотрели на океан, его густые в движении валы, без усталости накатывающие на сияющие мокрые прибрежные камни. Но на следующий день, когда на короткие два часа, вышло солнце, оно отразилось от мокрых скал, и вокруг острых изломов изверженных горных пород засияла радуга.

На катере Валера познакомился с капитаном, грузным дядькой в черной куртке и длинном, расстегнутом и развевающимся на ветру плаще с огромным, словно мешок, капо-

шоном. Капитан стоял у штурвала и вглядывался в даль, где среди валов с белыми шапками и воротниками, виднелись острова дельты реки Лены. Это было место, в котором река, собрав воды с половины континента от Байкала и до побережья, сбрасывала их в шумливый, непрерывно ворочающийся океанский объем вод соленых и всегда подвижных своим нескончаемым накатом. Воды же реки вливались линейными потоками, и можно было видеть, как клинья пресной воды вторгались внутрь океанской волны, испарывали ее и постепенно растворялись в океане.

На катере семью Валерки сопровождал крепкий мужчина в кожаном плаще и фуражке со звездой, ярко горевшей в сыром морском воздухе. На боку человека, увесисто оттягивая ремень, размещалась кобура из добротной кожи.

— Мам, смотри — у дяди наган! — восхищенно объяснил маме Валерка.

Мама не проявила интереса, а только привычно одернула сына, крайне любопытного и неосторожного, по ее мнению.

Дядя Коля, как представился Валерке мужчина, услышал разговор и тут же подошел к мальчишке и вытащил из кобуры новенький, сияющий наган.

— Как догадался? — спросил строго сопровождающий семью на остров офицер НКВД и, шелкнув затвором, крутанул барабан у нагана. Барабан закрутился, сверкая упрятыми среди черного металла медными бликами патронов.

Валерка смутился. В голосе дяди Коли он уловил строгие

нотки и понял, что он не просто попутчик, а человек, которого следует опасаться.

Так поселились на острове спецпереселенцы с далеких западных окраин огромной страны, чтобы здесь, на самом краю континента, исполнять важные обязанности.

Валерка помогал маме и отчиму, и всю осень и начало зимы у него выходило очень неплохо справляться с обязанностями.

Вот если бы не полярная сова.

Теперь, прежде чем выйти из дома, Валера просил маму посмотреть, нет ли поблизости злодейки. Углядеть среди полярной ночи белую на белом же снежном фоне крылатую хищницу было непросто, и мама, выйдя из дома, покрутив головой, возвращалась и говорила, что нет, не видно пока.

Отчим бодрил Валерку и требовал не бояться и биться с ней с помощью выструганной пики, а если что, звать на помощь. Когда мама и отчим уходили заниматься делами на маяк, Валерка тихонько выходил из дома и шел перво-наперво за льдом, а потом брался носить дрова, набирать снег в ведро и носил в большущий таз, в котором снег неспешно таял. Если поначалу Валерка все время поглядывал в небо, то, попривыкнув, успокаивал себя, объясняя отсутствие совы тем, что, видимо, улетела далеко и уже не вернется. Все же хотелось верить, что сова пропала насовсем. Так продолжалось несколько дней, и Валерка было уже успокоился, не отмечая долгое время своего коварного врага.

Но сова ждала удобного момента, и он настал, по ее мнению.

Когда Валерка отошел от дома и беспечно оглядывался с горки по сторонам, над ним в сумерках полярной ночи появилась крылатая птица. Хищник парил в темноте на фоне пульсирующего красным «глазом» маяка и казался посланником неведомого чудища, плывущего среди морских волн.

Сова была огромной, способной укрыть крыльями целый заснеженный мир, и, спланировав, зависла над Валеркой, заслонив собой небо.

Грозно заклекотав, сова ухватила крепкими когтями мальчика за пальтишко сзади. Одна лапа держала за плечо и воротник, а вторая крепко впиалась в ткань на спине. С ходу, не теряя скорости, огромная белая сова уронила Валерку в снег. Сильная птица взялась драть пальто когтями и бить клювом в голову. Валерке было больно и страшно, и он не сразу вспомнил о своем оружии. Изловчившись, парнишка вскинул пику и, толком не видя совы, взялся тыкать в нее острым наконечником. По ударам Валерка понял, что попадает в птицу. Хватка совы ослабла, но стервятник не сдавался и пару раз еще ударил клювом в голову. Удары были чувствительными, но шапка все же защищала от сокрушающих ударов. Валерка продолжал орудовать палкой, и наконец сова отступила. Валерка сумел встать. Опустив голову и размахивая палкой, Валерка продолжал отбиваться от совы, а та еще несколько раз кинулась на него и когтями оцарапала ру-

ку и лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.